

Александр Владыкин

Топтун

16+

Александр Евгениевич Владыкин

Топтун

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42656332

SelfPub; 2019

Аннотация

Спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Это книга про другой мир, дружелюбный нам, готовый всегда прийти на помощь.

Глава 1

Наш посёлок раньше был селом, а некоторые жители помнят его ещё хутором. Мои родители между собой разговаривали на литовском языке, думая, что мы их не понимаем, так им легче было решать взрослые вопросы в кругу нашей семьи. Они были очень культурные люди, но жили не в «этом мире». Этот мир начинался за дверями нашего дома, и понять его могли только мы, разговаривающие на сленге, состоящем из четырёх языков. Мы не понимали взрослых, взрослые не понимали нас. В уличное воспитание пытались внести свою лепту учителя, прививая нам культуру цивилизованного мира. Увы, реалии жизни стояли выше старания преподавателей, от школы мы брали то, что нам было необходимо, и скорее школу терпели, как неприятную повинность. У Расмы занятия закончились, чуть раньше, чем у нас. Папа отвёз её к бабушке в Литву. Каждое утро мои предки уезжали на работу, рабочий автобус подбирал их с трассы. На столе меня ожидал завтрак, и записка – напоминание, что я должен купить в магазине, под записку. Мама сама оплачивала покупки в конце недели. Днём посёлок вымирал, в посёлке работы не было, все работали на выезде. Магазин, и тот находился на трассе, в трёх километрах от нашего дома, школа в которой мы учились с сестрой, была в соседнем селе, до школы нас подвозил автобус. Учеников было немного, всего семь человек из моего класса, остальные – были мелкота, они уже на каникулах. После занятий мы были представлены сами се-

бе, и до приезда родителей можно было забыть про уроки. Обычно, порешав свои дела, мы собирались на старых гаражах. Но сегодня никого не было, даже Юргис со Стасом не вышли, один Мажутис вертелся возле трассы, он каждый вечер бегал встречать мать, помогал ей сумки нести. У Мажутиса было имя, но все называли его по фамилии, и взрослые и дети. Я сбегал в магазин, и вернулся с хлебом и кефиром в дом. На скамейке меня ждала Расма с дедом. Деда я видел всего два раза, знаю, что до пенсии он работал лесником, и то, что мы живём в его доме, он был не родным отцом для моей матери, и у нас почти не появлялся. Я завёл неожиданных гостей в дом. Расма переделалась и полетела по своим подружкам. Дед жил на хуторе с нашей бабой, но как настоящий лесной человек, был молчалив, я с момента его появления, не услышал ни одного слова. Всё-таки он не выдержал – заговорил по-литовски, потом перешёл на польский, и завершил свою фразу на белорусском языке. Он видимо хотел проверить знание мной языков нашей местности. Дед спрашивал:

– Где мои родители?

Я ответил на английском, закончив диалог по – русски. Дед остался доволен, что-то сказал на немецком, вставив пару эстонских или финских слов, но я его уже не понял. Вечером приехали родители, они тоже не ожидали появления малой, и тем более деда. Дед с батей закрылись на кухне, потом позвали мать. Я услышал, как мама плакала. Обрывки

их разговора доносились до моей спальни, с их слов, я понял, что моя бабушка – в Литве, умерла, но дед с нами жить не будет, он просил отца с матерью отпустить на три дня сына, чтобы он показал ему своё жильё, и познакомил малого с секретами леса. Он обещал привести меня через три дня домой. Я слушал разговор взрослых, затаив дыхание, мы жили на границе Белоруссии с Литвой, и нас взрослые не пускали в лес. Граница проходила по озеру, лес был за озером, далеко от посёлка. А, справа от озера начиналось болото, наше местное болото, оно в каждом посёлке имело своё название: его называли волчьим, ведьминым, у нас оно было – Дяггинлас. Никто не знал почему. Стариков в посёлке не осталось, а учителя в школе все были из приезжих. Их в народе ещё называли неудачники – это из тех, которые без протекции, не учили детей, а отработывали трудовую повинность, им жизнь в болотных местах, каторгой казалась. Это болото начиналось на белорусской территории и уходило глубоко в литовский гнилой лес. На нашем участке пограничников не было, не было ни ограды, не столбов с колючей проволокой, была граница на карте двух стран, и всё. Сам ландшафт местности был лучше контрольно-следовой полосы, люди панически боялись никогда не замерзающих болот, в них не рисковали надолго задерживаться даже самые обезбашенные туристы, охотники и рыбаки. Насколько для ребятни были любопытны всевозможные запреты взрослых, но никому из нас в голову не приходило желание сделать вылазку на болота.

Ага! У нас своих комаров и гнуса хватало! Мы в посёлке выросли на историях про водяных, упырей и болотных людей, питающихся человеческой кровью, а после Чернобыльской аварии, появились ещё мутанты. Мне казалось, что болотные мутанты, это самые лицемерные и свирепые из всей нечисти. Во всех рассказах они были похожи на самую мирную и доброжелательную семью, которая любыми путями старалась заманить путника к себе в дом, поразив его своим гостеприимством и хлебосольством, только приворот заканчивался, и путник сидел не за столом в уютной избе, он был по пояс в болоте, и в его теле торчали жала этих болотных вампиров. А рот был полон угощений из слизняков и болотных гнилушек. Болото не отпускало пленника, забрав его кожу и кости, как плату, за приют у этих ужасных существ, на белорусских землях. Отец ругался с матерью, он не хотел меня отпускать из дома, отцу не нравилось здесь: ни земля, ни люди, ни дед, которому никто не знал сколько лет, и которого все считали нелюдимым чудаком.

– Отдать ребёнка в руки этого маразматика? Ещё он его в лес потащит? На три дня!

Отец кипел, а мать его успокаивала. По-моему, они не пришли к согласию. Дед разбудил меня ночью, ещё на небе была луна. Мне показалось, что кто-то помогал мне одеться, я ещё спал, все мои движения были вялыми и неумелыми. Я не успел проснуться, когда очутился на улице, мы уже шли за околицу посёлка, по тропинке, вдоль озера, ветви ивы, на-

клонившейся над тропинкой, умыли меня утренней росой. Я окончательно проснулся. Своим детским сознанием я понимал, что дед меня выкрал из семьи, это было неправильно: мне хотелось домой, в свою постель. Я огляделся по сторонам. Я не узнал местности, мы были на маленьком острове, посреди высохшего болота с большими застывшими кочками, не было ни посёлка, не озера, не было леса, и тропинки, по которой мы пришли. Дед понял, что я очнулся и пришёл в себя, тогда он постарался поговорить со мной, по-взрослому:

– Запомни это место, внучек. Это вход в портал зоны. Ты уже взрослый, извини, что так получилось, я хотел, чтобы было всё по-хорошему. Твоим родителям я оставил записку, и через три дня я приведу тебя домой. У меня нет другого выхода. Кто знает? Может тебе и пригодится это место. Будем надеяться, что портал пропустит тебя, а если нет, то будешь ты сегодня дома, ещё до обеда.

Я пытался осмыслить во что я вляпался. Теперь было всё наоборот: я молчал, а дед болтал напрапалую, напоминая болотного мутанта.

– Дай мне слово, что ты никому не расскажешь про это место!

Я засмеялся: дед был, как маленький.

– Честное пионерское! – сказал я. Дед потребовал, чтобы я сказал:

– Даю слово чести!

Только я произнёс это, как по верхушкам болотного ка-

мышья прошёлся ветер, погнав живую волну из высокой травы.

– Очеретовый вал, портал дал добро. Теперь перед тобой открыт путь в страну зелёного тумана. Осталось дожидаться, когда взойдёт солнце и появится круглая радуга.

Я не удивился, мне уже приходилось видеть эти круглые радуги над озером. Я не знал, какую функцию эта радуга выполняет в этом месте, дед всё же, был чудачком – замечательным чудачком. Я уже перестал бояться, мне стало даже весело от этих чудачеств. Дед предлагал мне условие какой-то волшебной задачи, в которой есть, портал, очеретовый вал, круглая радуга и страна зелёного тумана, и мне предстояло найти решение, под «честное слово» не заглядывая в ответ на последней странице. Дед улыбался:

– Это правильно!

Я уже почти дошёл до последней страницы, но ответа до сих пор не знаю. Мне опять стало страшно, под одежду стал забираться утренний туман, стало холодно и зыбко, я растворился в этом «болотном молоке». Взошло солнце, и туман рассеялся, над нами и под нами, вокруг нас появилась круглая радуга, через которую, внутри неё был проброшен очеретовый висящий мост. Я не знаю, на чём он крепился, по бокам от радуги всё было скрыто туманом. Мне казалось, что этот мост был привязан к самой радуге, и что он уходит в небо, но это казалось.

– Путь открыт.

И дед взял меня за руку. Я впервые шёл по очеретовому мосту в страну зелёного тумана. Мне было интересно, по сторонам ничего не было видно, внизу сначала было болото, потом стена камыша, а потом всё утонуло в «молоке», даже радуга. Я видел только продолжение своего пути и ноги впереди идущего деда. Цвет тумана менялся, в зависимости перехода через радугу, и наконец, мост закончился, я спрыгнул на землю, вслед за моим проводником, и мост пропал, вместе с радугой. Остался только туман зелёного цвета, рядом никакой страны я не видел. Из тумана выглянул хомяк, большой и толстый.

– Это Чен. Чен сегодня встречальщиком назначен, это типа вашей таможни.

Дед достал из своей котомки пачку прессованного рафинада. Хомяк пропустил нас, за нашей спиной раздался хруст от съеданного сахара. Наверное, таможня этой страны зелёного тумана не отличается от контролирующих органов других стран: всё вкусное, что можно, съедается на месте. Дед опять заулыбался:

– Чен не таможенник, Чен встречальщик. Если бы не было меня, то он бы провёл тебя в город. А сахар? Он заказал мне. Чену нравится вкус сахара.

Чен – это было первое живое существо, что встретилось на нашем пути. Я раньше не видел хомяков никогда, я не думал, что они такие большие.

– Дед, а Чен – хомяк?

Дед растерялся:

– С чего ты взял?

– Ну, как, он похож на хомяка!

– Нет, Чен не хомяк. Хомяки здесь не водятся. Ты находишься в чужом мире, внук. Следи за своим языком, не нужно оскорблять местных жителей, или давать им клички. Чен из вотянов, они дружелюбны, но очень обидчивы. Оскорбив одного, ты оскорбишь весь народ. В этом мире нет такого слова, как обида. В этом мире нет такого слова, как прощение. Здесь никто не будет тебе мстить, здесь нет мести. В этом мире нельзя обидеть умышленно, чтобы потом, раскаявшись в содеянном, и попросить прощения. В этом мире, просто, тебя не поймут, а к тем существам, кого посчитают не понятным – отношение точно такое, как в других мирах. Поэтому привыкай: чтобы в стране зелёного тумана тебя считали адекватным, старайся никого не обижать, и думай над каждым словом, прежде чем его сказать.

Я постарался вычеркнуть из своей головы хомяка. Мало ли, кто на кого похож? Дед был прав, мне самому не нравилось, когда меня обижали.

– Дед, а эти вотяны, они и разговаривать умеют?

– Здесь, кроме вотянов много народов, у каждого из народов свой язык, между собой они общаются на универсальном. Погоди, доберёмся до города, первым делом тебя в ясли определим.

– Дед, я вообще то вырос из ясельного периода!

– Опять ты перебиваешь старших. Здесь все пришельцы проходят через ясли. Тебя в яслях научат говорить, добывать пищу, не бояться живых корней, защищаться от диких червяков.

У меня опустилась челюсть:

– Дед, куда ты меня притащил? Здесь что, как в фильме ужасов дикие червяки есть? Значит есть хищная рыба и акулы людоеды?

– Нет, океанов, как самой хищной рыбы и акул в стране зелёного тумана нет, но дикие червяки водятся. И не дай бог, они встретятся на твоём пути! Ну, погоди, не всё сразу. Я чувствовал, что ты не веришь в мой бред, и считаешь, как твои родители меня неадекватным. Я привёл тебя в этот мир, в котором я буду доживать свою жизнь. Я не знаю, зачем я это сделал? По зову души, наверное. Я уже не появлюсь в вашем мире, после того, как верну тебя к родителям. Мне хотелось бы иметь связь между мирами, чтобы был у меня надёжный связной.

– Дед, а как ты вообще нашёл этот портал?

– Это долгая история, не на один день рассказа, я расскажу тебе, но после того, как тебя выпустят из яслей.

Город открылся сразу, за поворотом, он стоял на горе и больше напоминал муравейник, или репликацию старого Тбилиси. На разрушенной городской стене работали существа, похожие на майских жуков, или на скарабеев с картинок учебника по истории.

– Опять дикие черви напали на город.

– Дед, почему ты их называешь дикими червями? А, что, есть ещё и домашние, ручные?

Дед не стал отвечать на мой вопрос, он осматривал всю картину повреждений. Он догадался, что город оказался на пути маленькой семьи червей. Городу повезло, не один из скользких и безобразных, не проник за границу стен.

– Ты что-то спросил? А, да, ручные? Здесь нет зоопарков, дельфинариев и приютов для животных. В стране зелёного тумана, даже божьих коровок не держат в клетках. Здесь нет и никогда не было ручных животных. Все свои вопросы задашь воспитателю в яслях. Я не смогу тебе всего объяснить так доходчиво, как он. Я могу ошибиться, а он не имеет права на ошибку.

Мы подходили к городским воротам. У ворот стояла девушка, дед её отнёс тоже к встречающим. Он знал, наверное, всех жителей страны зелёного тумана. Девушка поздоровалась с дедом, назвав его Зельдом, а на меня она не обратила никакого внимания. На девушке была надета лёгкая накидка, похожая на медицинский халат, на земле стояли обычные напольные весы, только вместо килограммов, здесь были фрузы. На весах было всего три положения – норма, плюс и минус. Прежде, чем меня впустить в город, я обязан был пройти минимальный медицинский контроль. Деда это не касалось, только вновь прибывшие. Я стал на весы, дед вздохнул с облегчением, весы показали норму. Я спросил у

Зельда:

– Что такое фрузы? И, что бы было, если бы весы показали плюс или минус?

Дед согнулся пополам, его рассмешили Фрузы. Похожие с земными буквы, только читаются по-другому. Дед не стал расписывать транскрипцию, а сразу перевёл: калории, по-вашему. А, что бы было, он махнул рукой налево и направо. В одном месте был нарисован огромный плюс, и проходили соревнования по многоборью, спортсмены, явно страдали излишним весом. Я перевёл взгляд налево, туда, где нарисован был жирный минус – здесь была картина, абсолютно противоположная – санитары, насильно откармливали дистрофиков, приговаривая: – За маму, за папу. Я ещё не понимал универсального языка, но настоятельные рекомендации санитаров, с применением воронки для принудительного кормления, не нуждались в переводе. Дистрофиков откармливали, как рождественских гусей. Я, аж вздрогнул, врагу не пожелаешь такой участи! Дед потащил меня в дышалку, я понял – местный рентген так называется, потом в выводилку. Последняя процедура была похожа на русскую баню, только вместо пара, в парилке был химический туман. В выводилке нужно было пробыть не менее десяти минут. Из твоего организма выводилось всё: и шлаки, и закупорки, родинки с папилломами, и самое основное – глисты и различные насекомые, вместе с гнидами. В стране зелёного тумана, никогда не было этой напасти. Я даже не верил, при

моей чистоплотности, из меня столько грязи полезло через поры, что я покрылся скользким налётом, и стал похож на болотного упыря. Дежурный санитар заставил меня смыть эту грязь. На выход из выводилки по дезактивационному коридору мы шли вместе с дедушкой. Зельд молчал, на выходе нас переодели в местную униформу.

– Теперь ты похож на истинного горожанина. За свою одежду не беспокойся, она пройдет санитарную обработку и тебе её вернут, когда ты будешь покидать город.

Наконец, санитар раскрыл двери, и мы с дедом вывалились во двор. Меня поразило, двор мне показался неухоженным, это была площадь с засыпанными ямами, в середине площади был фонтан без воды, за фонтаном был постамент без памятника, вокруг площади стояли старинные красивые дома, они казались бутафорскими на фоне этой разрухи. Народу на площади не было совсем. Я посмотрел на деда. Он прочитал мой вопрос в моих глазах,

– Не обращай внимания, это для червей! Подожди, сейчас спустят лестницу.

И действительно, сверху нам сбросили верёвочную лестницу. Я поднял глаза, неба я не видел, всё утопало в зелёном тумане. Туман искажал реальность, клубился над крышами домов, и казалась, что лестница уходит в небо. Дед уступил мне право, первому опробовать это альпинистское снаряжение. Я подымался вверх, вокруг меня был туман, подо мной и вверху был туман. За мной пыхтел дед. Мои руки

нащупали поручень, и кто-то помог мне влезть наверх. Подо мной опять был мост, сплетённый из камыша. Дед называет его очеретом. Я слышал, что, в старые времена, камышом крыли крыши домов, но про мосты, мне никто не рассказывал. В стране зелёного тумана, всё было из очерета: и циновки, и ковры, игрушки, поделки, картины. Из очерета делали мебель, матрасы, кровати, столы, гамаки, батуты. Камыш в этом мире был одним из главных строительных и отделочных материалов. А ещё, местные жители из камыша делали вкуснейший очеретовый лимонад. В этой стране выращивали сладкий очерет. Рецепт его приготовления жители хранили в секрете, но я об этом ещё не знал. Помогальщики поставили деда на мост, и мы потопали, разрезая клубы зелёного тумана. Мост вывел нас на дорогу, туман немного рассеялся, это был горный серпантин, дорога вилась, петляла вокруг скалы, иногда уходила в небольшие туннели. Навстречу нам попала стайка местной детворы, все поздоровались с нами, они были моими ровесниками, девочки стреляли в меня любопытными глазами, а мальчишки, наоборот, напустили на себя такую важность. Я ещё не знал из какого они народа, но очень похожи на людей, только лица у них были, уж, очень игрушечными. Честное слово, этот народ был, как нарисованный, из какого-то мультфильма. Мы подымались долго, но все дороги где-то и когда-то кончаются. И я увидел город, в котором живут люди, он находился в самой скале, это было странное место – пещера переходила в каньон, город

был пятиуровневый, с домами, магазинами, всевозможными учреждениями, здесь только ткацких фабрик было три. А ещё здесь было несколько фуникулёров, в разных направлениях, и всё это висело над пропастью и было сплетено из очерета. Мы шли по камышовой прочной дороге, нас обгоняли странные машины, я даже не мог предположить, как и на чём они работают. Мимо нас сновали различные существа, снимая друг перед другом шляпы. На велосипеде ехала лошадь, вернее, существо, похожее на лошадь. Дед сделал мне замечание, что не прилично так смотреть на даму. Мы подошли к зданию, на котором висела вывеска вниз головой, или вверх ногами.

– Это ясли.

С вывески спрыгнул кот:

– Здравствуй Зельд. Кого ты к нам привёл?

Этот кот по-литовски говорил лучше меня.

– Это мой внук. Он будет связным с моим миром, вместо меня. Я готовлю замену.

Дед не посчитал нужным меня представить. Он сказал, что нас всего двое землян в этом мире, спутать нас трудно, если народу нужно будет, то он сам даст тебе имя. Я узнал, что кота зовут Миц, и он будет главным инструктором на весь процесс моего ясельного обучения. На этом мы с дедом попрощались, он сказал, что сам ко мне наведываться будет, обучение недолго продлится – месяца три, а когда выучишь язык, тебе любой объяснит, где Зельд живёт.

– Как, три месяца? Ты же обещал вернуть меня через три дня. Да и каникулы закончатся.

На мои вопросы отвечать было некому, дед растаял в зелёном тумане, а мне осталось, только последовать за котом.

Глава 2

Миц ознакомил меня с помещением, в нём было всего два класса и большой актовый зал. Я забыл сказать, что всё здесь, включая сам дом было сделано из очерета.

– Как только соберётся вся группа, и начнём занятия.

Миц радовался, что я пришёл вовремя, как раз к занятиям. Он показал мне мою комнату. Комната была просторная, рассчитанная на троих жильцов, с окном и балконом, выходящими на улицу. В этом здании было всё: и кухня, и туалет, и душ. Кот ушёл, напомнив мне график работы столовой. Часов здесь не было, но была звуковая сигнализация, как на корабле.

– Как услышишь бой склянок, то поспеши в столовую: кушать подано!

Меня тянуло на улицу, но без знания языка, я боялся потеряться в незнакомом городе. Я стоял у окна, наблюдая за пешеходами и проезжающими машинами, через дорогу был магазин, с полупрозрачными витринами. Я наблюдал за покупателями, какие же они все были разные и уродливые. Некоторых даже не с кем было сравнить. Мать, похожая на крокодила, с широкими бёдрами, вела за собой вереницу детей. Вся мелкота была построена по ранжиру, малыши часто

сбивались с ноги, и наступали старшим на хвосты. Хвосты отваливались, как у ящериц, продолжая танцевать отдельно от тел. Всё это оставалось на пешеходной дорожке. Потом, мимо окна, прошли ноги, я не знаю, кто это был, его туловище и голова прятались в тумане. Улица моментом опустела. Ноги перешагнули через несколько домов и пропали в зелёном тумане. А дед говорил, что здесь нет монстров! Я ещё хотел на балкон выйти. Да, ни в жизнь! В этом городе, даже по тротуарам ходить опасно, потому, что не знаешь, что может вынырнуть из тумана. На улице потемнело, туман стал гуще, скрыв тротуар с прохожими и магазин. В здании загорелся свет, тоже зелёный, как будто под потолком жили миллионы светлячков. Здесь не было никаких выключателей, я не успел рассмотреть это непривычное освещение, раздался призыв склянок, и я поспешил на ужин. Рядом с дверью столовой висело меню, которое я не мог прочитать: блюд было много, напротив каждого – фрузы, то есть калории по-нашему. Цифры тоже были странные. И еда была странная – чёрные каши, желеобразные супы, что-то живое, ползающее, находящееся в тарелках, с загнутыми краями. Я не знаю, кто это был, но суп из опарышей, я есть не стал. Я набрал себе разных блюд, не зная из чего они приготовлены. С виду, это были макароны и салаты, я давно хотел пить и взял себе два напитка. Только вся еда – была не настоящей, а нарисованной. Мне кажется, вся столовая была нарисованной и похожа на экран огромного планшета. Я разозлился. Пытаешь-

ся взять напиток, но рука упирается в экран, то же самое и с другими, выбранными мной блюдами. Приятного аппетита! Голос, универсальным языком, что-то бубнил со стен, вокруг никого, и подсказать некому. Я уже собрался уходить, не дослушав инструкцию о посещении столовой, когда обратил внимание на столы. На одном из них лежало несколько порций, заказанных мной блюд.

– Нет, я столько не съем!

Оказывается, здесь достаточно было коснуться заказанного блюда, как оно появлялось на столе. Я проверил, заказав ещё порцию напитка. Сработала сигнализация и на экране появился +. Блин, я не спортсмен и не многоборец. Интересно, а эти фрузы можно убрать, отказавшись от заказа. Я осмотрел внимательно стойку, на ней было две клавиши: зелёная и красная. Я нажал на красную, и вся еда со стола пропала. Сработало! Заказ был отменён. Я начал набирать заново, но уже осмысленно, все блюда появились на столе. Мне понравилась эта скатерть самобранка. Я хотел уже идти к столу в обеденный зал, но опять сработала сигнализация и возле клавиш загорелась зелёная стрелка, как напоминание о подтверждении заказа. Блин! Ну и технологии в этой стране! Расскажи, кому из наших в гаражах, не поверят! Я проглотил всё, было не понятно, но вкусно. Половина макарон успела уползти из моей тарелки, а я даже не заметил. Так я впервые встретился с живыми корнями. Больше всего мне понравились напитки, особенно газированный – это был

знаменитый очеретовый лимонад. Утром, первыми прибыло шесть шкерков, с серой кожей, в классической, хорошо подобранной спецодежде. Такое ощущение, что всё надетое на них, было сшито под заказ. Эти шкерки были похожи на аристократов, но их родной язык, больше похож был на кваканье. Их встречал инструктор. Я никогда не думал, что Миц полиглот. Если честно, то я впервые вижу квакающего кота. Шкерков расселили в соседних комнатах, по трое. Народ, потихоньку, начал прибывать. К обеду собралось половина запланированной группы. Кого здесь только не было: ванары, гунгары, окседианцы, всех и не запомнишь. Все они, даже и близко, не были похожи на людей. Ванары – из клана ящеров, гунгары были похожи на двуногих тапиров, с маленькими хоботками на голове. Окседианцы, я не знаю на кого они были похожи, они были похожи на всех, моментом могли превратиться в любое существо, их тела были, как пластилиновые. Один из окседианцев попал в мою комнату. Миц говорил, что они превращаются в других существ – из чистого уважения. Теперь нас в комнате было двое, веселей не стало, мы абсолютно не понимали друг друга, но соседство, всё равно, сближает. Мы вместе пошли на обед, я научил соседа пользоваться автоматикой столовой. Он смеялся, ему так понравилось, он полчаса, то заказывал блюда, то отменял. У него, так же, как у меня, открылся рот, при виде автомобилей, и лошади на велосипеде, я не мог привыкнуть к тому, что через мою голову перепрыгивают встречные кузне-

чки. Мы старались не отходить далеко от дома, в толпе была большая вероятность потеряться. После обеда, ближе к вечеру, нас собрал Миц и предупредил, что завтра последний день ожидания учащихся, опоздавшие будут догонять экстерном, после занятий, послезавтра начнутся уроки, подъём по школьному звонку, два звонка, вы должны уже быть в классе. Прошу никого не разбегаться и относиться ответственно к обучению. Вы уже поняли, что знание универсального языка, прежде всего, нужно вам, кроме языка, ещё есть ряд предметов, которые вам необходимо будет освоить, но язык прежде всего. Миц ушёл, не прощаясь, своей мягкой, пружинящей походкой. До ужина ещё было время, мы вернулись в свою комнату. На третьей кровати нас ждал новый сосед. Он был, наверное, из кукольных людей, его лицо покраснело от обиды, на глаза на вертались слёзы, густые ресницы дрожали, по лицу пробегали нервные спазмы. Наш сосед был близок к истерике. Окседианец перекривил его, превратившись в кукольного человечка. Сосед улыбнулся всеми своими пятидесятью зубами, от его улыбки мне дурно стало. Откуда мы могли знать, что слезливость и обиженный вид – нормальное состояние здорового ревля, если ревлей не плачет значит он заболел или проголодался. Блин! Этот сосед был похож по характеру на крокодила. И шутки у него такие же! Любил пугать нас, зевая, как лев, а мог целый день лежать неподвижно, с открытым ртом. В нашей комнате был полный комплект. Если окседианцев было много, то я и рев-

лей не имели соплеменников, и вообще, наша комната отличалась от всех остальных, и как показала история, из нас получился дружный, сплочённый коллектив. Назавтра, оставшиеся комнаты были заселены девушками и началось наше обучение. Школьный звонок зазвенел утром в моей голове. Мне снился сон: поселок, сосед по дому и по парте – Стас, а я, наверное, заснул на уроке. Блин! Открыл глаза, а по комнате зеркало скачет. Я не пойму, где нахожусь, в углу сосед, то плачет, то смеётся, так ревлеи молятся по утрам. А оксиданец, зараза, нашёл рамку и перекривлял меня, из уважения, наверное. Я запустил в него подушкой, ревлею понравилась эта игра. Короче, на свой первый урок мы опоздали, все волосы были забиты сухим камышом. Когда мы вошли в класс, прозвенело два звонка, и Миц разогнал нас по кабинам. Я ожидал, что угодно, но из непонятных динамиков, стала литься монотонная успокаивающая музыка.

– Где я?

Я вслушался в свой голос.

– Это я сказал?

Двери в кабинку раскрылись:

– Просыпайтесь, Перемена. Всем пора на обед. Выходим по двое, возле дверей не толпиться.

Я попал в пару с девочкой с крыльями. Вовремя я вспомнил деда, чуть не спросил у неё:

– Бабочка, ты кто?

Бабочка опередила меня, спросила первая моё имя:

– Ты кто?

– Человек.

– Как тебя зовут, человек?

Я впервые, в этом мире, назвал своё земное имя – Майкл. Моя мама говорила, что оно не нравится деду. Никто не знает, почему? Как будто Зельд лучше? К своему удивлению, я узнал, что зельд – это ткач. Надо будет спросить у деда, почему его ткачом называют? В столовой мы с бабочкой потерялись, я даже не успел спросить, как зовут мою ясельную подружку. Мои друзья ждали меня у столика, они даже выполнили для меня заказ, ориентируясь по моему вкусу. Крокодил заказал опарыши, макароны разбегались по столу, окседианец их ловил вилкой и снова скидывал в мою тарелку. Мать меня учила так, если не нравится, ешь с закрытыми глазами. Беда была в другом: – нравилось, очень нравилось, я уже знал, что это живые корни, было вкусно, а глаза я открывал, чтобы поймать следующую макаронину. А, опарыши – это не опарыши, те же живые корни, но порубленные на измельчённое спагетти. Но макароны мне больше нравятся. А, красный сок, который я принял за томатный – это кровь болотного лягушатника (травка такая). И ничего, все пьют, всем нравится. А мне нравился фирменный очеретовый лимонад страны зелёных туманов. (Я не знал технологии его приготовления, а дед не рассказывал мне ничего, говорил, что это секрет фирмы, а если бы рассказал, то я, наверное, тоже, как дед, не пил бы этот напиток. Миц говорил,

что очеретовый лимонад очень полезен для здоровья, выводит какие-то радионуклиды. Я при каждом посещении столовой выпивал не менее двух стаканов напитка. (Если бы я знал тогда, на какие лишения приходилось идти стране зелёного тумана, ради производства этого напитка!?) Меня ещё успокаивало то, что этот лимонад, мало, что был чрезвычайно вкусен, он ещё был низко калориен, и мне не грозила плюсовая отметка. Я видел, как обжоры тренируются на канатах, подымаясь на мост. Девочкам нашей группы была предписана калорийная диета, чтобы избежать повторного принудительного кормления, бедные, заталкивали в себя все блюда, приготовленные из продуктов, со знаком плюс. После вкусного обеда, так не хотелось возвращаться в свои учебные кабинки, но надо! Кот напугал нас принудительным обучением. Оно касается хронических лентяев и прогульщиков. Не знаю. Но если принудительное обучение, такое же, как принудительное кормление, то лучше не надо. Оно, одно, наверное, связано с другим, вроде мы обучаемся, не напрягаясь, во сне..., но через неделю на табло моей кабинки появился минус, и мне пришлось пересесть на диетический стол к девочкам. Окседианца звали Валд, он из себя выходил, поддёргивая меня, правда все его шутки были добрыми, я никогда не обижался на него, в крайнем случае, всё заканчивалось подушечной войной. Мы были детьми, и у нас было столько энергии. А девчонки, наоборот были рады, принять за своим столом такого красавца из людей, которым они меня счита-

ли. И имя им моё нравилось – такое таинственное и чарующее, Майкл. У девчонок вечно глупости в голове, а я уже целую неделю в минусах! Дед вовремя появился, обещал, что посещать будет. Я, всё окно в этих яслях проглядел! Появился, через полтора месяца учёбы. И сразу, к инструктору в кабинет. Язык мы уже успели усвоить, все ребята на отработке, по горам в пещерах живые корни ловят, а я в карантине из-за минуса. Плакса так и не назвал своего имени, сказал, что его нет в универсальном языке, мы с Валдом еле упросили его, чтобы он назвался по-своему, по-ревлейски. Блин! Такой скулёж начался, со всхлипами! Я никогда такого имени не слышал. Валд признался, что даже повторить это нытьё, не сможет. Мы называли ревлея Нытиком. Он не обижался – лучше иметь, хоть какое имя, чем совсем ничего. Нам, итак, от Мица доставалось за то, что мы соседа обижаем. Надо отдать должное, что это был первый реблей в стране зелёного тумана, за всё существование ясельной учебной программы. Я, на все замечания инструктора, молчал. Что я мог сказать? А Валд был более горячий:

– Вы ещё не видели, как он смеётся!

Миц не поверил, пришёл в нашу комнату с нотациями, тогда мы рассмешили Нытика, больше я Кота в нашем секторе не видел. Оба моих товарища рассказывали мне за практику, они приходили с гор румяные, весёлые, их каждый день возили на фуникулёре, видели разных экзотических животных, были на фабриках, где в огромных чанах, в извести, вы-

мачивается очерет, рассказывали, как его размягчают, пропускают через катки, теребят... им было весело, а я? Для склонных к дистрофии – карантин! Дед с Котом застряли в кабинете, видимо пытались решить мою проблему с минусом. Дед притащил доктора. Доктор никаких отклонений в моём здоровье не нашёл

– Переходный возраст! Ему белок, жиры нужны, а не корни. Они хоть и живые, но не то, не привык его организм к нашей еде.

Кот сказал, что держит мое здоровье на контроле, но если Майкл похудеет ещё на килограмм, то обучение придётся прервать и я буду рекомендовать вашему внуку покинуть страну зелёного тумана, до полного формирования организма. Он просил деда посещать город чаще. Я понял задачу, надо было срочно похудеть, я соскучился за своими друзьями, за гаражами, за нормальной школой, а здесь не учишься, а спишь двадцать четыре часа в сутки. Но, как назло, после посещения деда, я вытянулся в росте и стал набирать вес. Моя депортация отлаживалась на неопределённый срок. Хорошо, хоть язык успели выучить, я впервые был на отработке в горах, мы находили пещеры, в которых, во влажных местах, как плесень на Земле, росли живые корни. Они таились до последнего, и почувствовав опасность, разбегались в разные стороны. Я растерялся, в столовой я их ловил вилкой, а здесь? Ребятам эта работа была уже привычной, они их ловили руками, в специальных перчатках, и трамбовали

корнями мешки. Они помогли наполнить мой мешок, особенно старались девочки. Я в первый день, ни одного корня не смог поймать. В горах было хорошо, красиво, вокруг лес, по деревьям прыгают животные, похожие на белок. С фуникулёра этого не увидишь, вокруг туман. Я понял, чем выше в горы, тем свежее и чище воздух, и туман весь внизу. В городе мы сдали добычу на приёмный склад, и Миц нас повёл на завод, по изготовлению бумаги. Бумагу делали тоже из камыша, сначала его перетирали и измельчали до тех пор, пока камыш не превращался в жидкую кашу, потом его накатывали на барабаны и отправляли в сушилку. Здесь было столько цехов, и каждый выпускал свою бумагу, из одних она выходила гладкая, как тетрадный лист, другие изготавливали твёрдый ватман, третьи картон, четвёртые шпалеры, пятые – строительные плиты, были ещё вспомогательные цеха, с вредным производством, но нас туда не пустили. Этот завод был таким огромным. Валд сказал:

– Ты ещё на ткацких фабриках не был!

Из нас не собирались делать рабочих очеретовых специализаций, это для общеобразовательного уровня. Мы свою норму по отработке перевыполнили, за все три месяца обучения. Из образовательной программы у нас остались несколько часов об устройстве страны, о её экономическом и научном потенциале, флора, фауна, и так по мелочам. Какая же эта нудная штука – обучение в кабинетах. Двери закрываются и начинает играть музыка. Ты засыпаешь автоматиче-

ски, и видишь карту страны зелёного тумана, с живущими аборигенами на каждом участке карты, они рассказывают о своём ареале, и ты всё понимаешь. Во всей стране нет рек, зато есть множество высохших болот, и мест с повышенной влажностью. В этих местах произрастает редкий вид сладкого камыша, являющегося одним из ингредиентов в приготовлении очеретового лимонада. О каждой козявке, о каждой букашке, о каждой травинке. И ничего о диких червях. Я начал подозревать, что они настолько опасны, что это табу в этом мире. Я спросил у Кота. Миц ответил честно, на ясельную программу обучения, наложены возрастные ограничения. Информацию про диких червей, ты узнаешь, когда достигнешь совершеннолетия.

Глава 3

Дед забрал меня за три дня до окончания учёбы. А я так готовился к выпускному ясельному балу. Валд учил меня танцевать «Кукарачу». На этот раз перед мостом не было ни встречающего, ни провожающего.

– Дед, а почему тебя «ткачом» называют?

– Не знаю. Зельд, так Зельд.

Из этого деда всё надо было выжимать. Туман рассеялся, мы подходили к острову. Мост пропал так же, как и возник, растаял вместе с туманом. Дед просил, чтобы я запоминал дорогу к дому, он показал мне вербу, под которой будет происходить обмен товарами. В стране зелёного тумана тоже нет много необходимых вещей, нет самого элементарного: иго-

лок, пуговиц, не говоря уже о сахаре и кофе.

– Дед, а мы кто? Контрабандисты, да?

– Учили тебя, учили, да немного не доучили! Контрабандисты – это те, которые у одного государства воруют, а в другом продают, получая прибыль. А мы меняем. Скажи, ты был в столице страны зелёного тумана, ты где-нибудь там видел деньги?

– Нет.

– А может быть ты встретил там хоть одного полицейского, пьяницу или хулигана?

– Нет.

– Но там же есть магазины, дороги, машины, фуникулёры, в конце концов, целый город! Но нет никакой дорожной инспекции, мэрии, или какого-нибудь органа власти, конторы или банка. Так ли это?

Дед был прав: была страна, в которой все работали, всё крутилось и вертелось, существовала общественная отработка, всё в этом мире было механизировано и автоматизировано, даже в магазинах не было продавцов, бери, что тебе нужно, бесплатно, потому что нету денег, кассовых аппаратов и очередей. Очередь была одна, которая двигалась от начала магазина в конец, по одному коридору, вдоль которого на прилавках стоял, лежал и ползал различный товар. Эта страна не являлась государством в нашем представлении, народом страны зелёного тумана никто не управлял, не говорил, как нужно жить и по каким правилам. Я по ясельному

обучению знал, что стране зелёного тумана несколько тысяч лет, и она всегда была саморегулируемой. В истории тунеядцы не раз предпринимали попытки установить свою власть, но народ признал их неадекватными и пошёл навстречу лентяям – если не хочешь работать, это твоё право, но не делай дураками остальных! Народ позаботился о том, чтобы неадекватные не умерли с голода: больные люди – что делаешь: то стараются партию какую-нибудь создать, то пикет устроить с забастовкой.

– Скажи, внук! Ты можешь себе представить какого-нибудь богача в этой стране? Олигарха, захватившего еду, заводы, фабрики, землю?

Я попробовал, но увидев расплзающиеся во все стороны живые корни, засмеялся.

– Нет. А зачем?

– Вот и я говорю, зачем?

Так мы с дедом и общались пол пути, я уже видел край посёлка. Дед вернул меня на землю, мыслями я ещё оставался в стране зелёного тумана:

– Внук, а дорогу на остров ты сможешь найти?

Я покачал головой. Дед несколько раз крутанул меня на месте, попросив закрыть глаза. А потом заставил возвращаться, указывая на различные приметы. Я шёл впереди по проходам в стене сплошного трёхметрового очерета. Иногда тропинки пересекались, я путался по какой идти, тогда дед показывал примету и говорил, что из посёлка надо держать-

ся левой стороны в сухом болоте, а при дороге в посёлок, наоборот, правой. Мы вернулись на остров. Дед опять показал на иву, напомнил, о том, чтобы я молчал про страну, и про путь в неё, если хочешь вернуться назад в этот мир. Каждое третье воскресенье летних месяцев, ты должен быть на этом месте, заменить товар и передать моё послание матери. Он нагнулся и поднял под ивой маленький мешочек, похожий на кисет. Честно, я не знаю, что в нём было, положил в карман и мы с дедом потопали домой. Хитрый дед, он знал, что нам придётся возвратиться. На обратном пути мы молчали, я вёл деда в сторону посёлка и боялся запутаться в очеретовых тропинках. Когда вышли к озеру, дед остановил меня:

– В жизни бывает разное. Может придёт время, и ты захочешь вернуться в страну зелёного тумана? Ты помнишь клятву, открывающую портал.

– Чест..., даю слово чести.

Дед остался доволен, и не прощаясь, пропал за стеной камыша:

– Запомни, никому, чтобы портал пропустил тебя!

Дед не стал меня дальше провожать, я постоял ещё немного, и помчался в посёлок. По дороге меня пытались тормознуть друзья, но я спешил в наш дом. Вся семья была на месте, Расма помогала маме мыть посуду, отец что-то делал в гараже. У мамы, при моём виде, тарелка выпала из рук, я успел подхватить, помогли мои тренировки в охоте за живыми корнями. Отец, сначала задал мне трёпки, а потом спро-

сил:

– Где дед?

Я сказал, что мы расстались с ним на берегу озера.

– Хитрый, гад! Знал, что выхватит!

Мать плакала, но была счастлива, улыбаясь сквозь слёзы.

Отец вышел во двор, Расме тоже досталось за компанию, на будущее. Я маме отдал кисет, чтобы никто не видел. В кисете была записка от деда. Мама читала и улыбалась.

– Так ты там был?

Я непонимающе уставился на мать:

– Где там?

– Ах, да, я помню, а меня портал не пропустил.

Потом мама сменила тему для разговора:

– Мы тебя хотели с милицией искать, отец бы весь посёлок на уши поднял. Я его еле уговорила подождать три дня. А на третий день, и ты появился. Я знала, я ждала, отчим никогда не врал. Я до сих пор помню дорогу на этот остров.

Отец выглянул из двери:

– На какой остров?

И мы оба заткнулись. На следующий день Юргис со Стасом насели на меня, на гаражах:

– Где три дня пропадал?

Я удивился – три дня? Второй уже раз я слышу это – меня не было больше трёх месяцев, а здесь всего прошло три дня? Я успел побывать, кто знает где? В чужом мире. Выучить универсальный язык за эти три дня.

– Где, где? С дедом по лесу гулял, – соврал я не краснея. – А, а, а! Расстроено потянул Юргис, а Мажутис говорил, что вы в сторону болота пошли, к вампирам. Этот маменькин сынок спит когда-нибудь или нет? За лето я успел два раза побывать на острове, никого не видел, забранный товар передавал маме, а то, что она передавала мне, оставлял под вербой. Лето кончилось быстро, начался новый учебный год, и я начал забывать про деда и про эту странную страну, в которую можно было добраться только через портал, по очеретовому мосту, произнеся клятву. На следующий год, я несколько раз бегал на остров, но принесённый мной коробок, лежал сиротливо под ивой. Я порывался несколько раз пройти на ту сторону моста, узнать, что случилось, но боялся, без деда было страшно раскрывать его тайну. Потом я смирился, посчитав этот трёхдневный вояж, отклонениями переходного возраста, и постарался забыть эту историю. Мать, как-то осунулась, похудела, целый год проходила в чёрном платке. Наша семья не придерживалась церковных канонов, но на годовщину смерти бабушки, мы посетили хутор в Литве, и мама ходила в костёл, в соседнем городке. Потом жизнь закрутилась колесом. Папа получил квартиру в городе, недалеко от места своей работы, и мы переехали из посёлка. Отец Стаса работал вместе с моими предками, в новом городе мы жили в соседних домах. Юргис с родителями уехал на родину отца – в Клайпеду. Он нам и раньше, часто рассказывал про море. Мажутис загрустил:

– Куда же вы? А, я?

Они с мамой остались в посёлке. В городе я закончил девять классов, и поступил в Минское училище связи. Про страну зелёного тумана я не вспоминал, иногда мне казалось, что она мне приснилась в далёком, далёком детстве. В училище была железная дисциплина, малейший залёт и прощай телефоны. Мама иногда приезжала в Минск, с сумками, баулами, котомками, забитыми едой. Помню на третьем курсе мы с ней пошли в Театр юного зрителя, маме, с детства, хотелось посмотреть какой-нибудь детский спектакль, по-настоящему, в театре, пусть даже не из партера, но с театральной запахом и бархатным занавесом. Шла какая-то детская пьеса, про Чиполино, по-моему. В одном из актов мои глаза встретились с глазами лесной вазы. Это было достаточно, я узнал его. Я, извинился перед матерью и, сидящими в одном с нами ряду, соседями, и устремился к выходу, с одной целью, попасть за кулисы. Бабушка-билетёрша, в обмен на комплимент, подсказала, как попасть к артистам, чтобы получить автограф. Я дождался, он проскользнул в гримёрную, а я за ним.

– Чен! Ты что здесь делаешь? – спросил я его на универсальном языке. Хомяк вздрогнул от неожиданности. Он узнал меня, хотя много лет прошло, даже имя вспомнил.

– Сейчас мой выход, ты подожди меня здесь, Майкл.

Он появился через пять минут.

– Я – топтун (путешественник, по-нашему), как и твой

дед, и ты был бы топтуном, если бы остался в нашей стране, но произошло то, что должно было произойти.

Чен угостил меня очеретовым лимонадом. Бог ты мой, я вспомнил, это действительно было, и я не забыл универсальный язык и вкус лимонада. Как говорила одна знакомая лошадь, в стране зелёного тумана, что, кто научился кататься на велосипеде, никогда уже не разучится. С Ченом мы разговаривали в перерывах между его выходами, он рассказал, как пропал мой дед, в леденеющем портале, они вместе топтали соседние миры, с дедом пропала и связь с этими мирами, пришлось заново налаживать контакты. Я тебя искал, по ориентирам, оставленных Зельдом, но тебя в том месте не было. До меня сначала не доходило, почему Зельд не любил задерживаться в чужих мирах, и везде старался оставить посредников? Теперь дошло. Время у вас неправильное, и звери домашние неправильные, хуже диких червей. И, вообще, мне ваш мир не нравится, как вы в нём живёте? Здесь нет даже живых корней? Я промолчал:

– Вот, так и живём.

Чен сказал, что он подрабатывает в театре, за еду, у нас большинство артистов работают за еду и зависят не от зрителя и репертуара театра, а от транша из министерства культуры и благотворительных организаций. Я первый раз на Земле целый год был, а когда вернулся, большая часть моих сверстников была в преклонном возрасте. Я завтра уйду в очерет, поздно мы с тобой встретились, Майкл. Я вернулся на

своё зрительное место в зале, спектакль вскоре закончился, малочисленные зрители встали для оваций. Среди артистов, вышедших на сцену, Чена не было. Я не стал рассказывать матери, про пропажу отчима, стараясь уберечь её от отрицательных эмоций, в этом мире итак не всё благополучно. После окончания училища, с корочками электромонтёра связи четвёртого разряда, меня распределили в мой родной район. Я попал в разъездную бригаду сельской связи, в нашей протекции находился весь район: все сёла, хутора и посёлки. Работы хватало, не хватало кабелей, бензина и хороших специалистов с высшим образованием. Спасало только то, что почти у каждого был мобильный телефон, и в нашу сторону меньше было жалоб. Частенько приходилось проезжать мимо посёлка, в котором я вырос, и в котором никто не живёт. Все дорожки и тропинки до озера заросли травой, на месте гаражей были развалины, многие дома вдоль трассы были без стёкол и смотрели, на проезжающих людей пустыми глазницами. На душе, как-то неуютно было. Я чувствовал себя виноватым, вспоминая друзей детства, как что-то ушедшее окончательно, без возврата, что умерло вместе с посёлком. Брошенного жилья в нашем районе было много. Я закрывал глаза и притворялся спящим, проезжая мимо малой родины. Никогда не думал, что мне сюда придётся вернуться, совсем при других обстоятельствах, пешком, без машины, прячась, маскируясь и постоянно прислушиваясь и оглядываясь во все четыре стороны, и больше всего, мне не хо-

телось встретить людей на своём пути. Я знал, что этот посёлок давно мёртв, я искал спасения и защиты в месте своего детства, где я когда-то знал каждый куст, каждый камень.

Нашей бригаде каждый день давали наряды, с характерами повреждений в каждом селе. Мы уже знали, кому принадлежат эти точки, по номерам телефонов и фамилиям абонентов. Некоторые абоненты были ужасно скандальны и делали мозги нашему начальству, а последние отыгрывались на нас. Бригадир распределял всю работу, поделив монтёров на двойки, в селе, что досталось мне, было всего лишь одно повреждение, пропала пара на даче одного из персональных пенсионеров. У нас по району было два таких орденосца. Бригадир пожалел семейных коллег, отдав устранение повреждения «студенту» (это он меня имел ввиду). Я не разу не был в этом селе, пришлось расспрашивать местных жителей, как добраться до абонента. Один глухой дед, с жалостью посмотрел на меня, выглядел я по-рабочему, с «когтями» на плече и с тяжёлой монтёрской сумкой. Дед махнул рукой на асфальтовую дорогу, уходящую к реке от посёлка:

– Тебе к ироду. Это туда.

Я поначалу не понял, минут десять кричал фамилию абонента. Дед помотал головой.

– Туда, туда!

Мимо проезжала девушка на велосипеде, немая, наверное, я спросил у неё. Она промычала, махнув рукой в том же самом направлении. Я подходил к первым домам, по– мое-

му это был посёлок, не занесённый в карты Белоруссии. Весь посёлок был обнесён трёхметровой бетонной стеной, с колючей проволокой и подводом высокочастотного напряжения. Это было похоже на колонию строгого режима. Я позвонил в дверь. Долго никто не отзывался, потом подбежали собаки с противоположной стороны, я их услышал, по учащённому дыханию. Охранник подошёл через десять минут.

– Связиста вызывали?

В окошко выглянул мордovorот в чёрной униформе:

– Шо тобі трэба? Ах, да!

И он открыл дверь. Я впервые увидел охранника с армейским автоматом, он был похож на полицейского из фильмов про войну. Охранник проверил всё, что лежало в моей сумке и впустил во двор, отогнав собак. Потом он полчаса водил меня по территории:

– Ага, це тут.

Охранник показал мне ящик связи, к которому подходил двадцати парный кабель. Я проверил, на входе был сигнал, связался с дежурной по кроссу. Та попросила подождать, и переключила меня на начальника сельской связи. Я доложил о исправности кабеля, это внутреннее повреждение. Начальник вздохнул:

– Слава богу!

Только находить и устранять повреждение, всё равно нам. Начальник пообещал мне в помощь более грамотного специалиста из нашей бригады.

– Ты там начни, делай вид, что ищешь, а там я к тебе Петровича подгоню.

Я предупредил охранника, что это внутреннее повреждение, и что ко мне должен подъехать коллега, а сейчас мне нужен допуск в этот сарай. Охранник рассмеялся, ему понравилось, как я вход в бункер назвал. Он с кем-то связался по мобильнику, видимо, получал инструкцию. Когда все вопросы были утрясены и к моей кандидатуре не было возражений, охранник сбегал за связкой ключей, и открыл эту злополучную дверь в «сарай». За ней был настоящий люк, который открывался по набранному шифру на панели. И только тогда я обратил внимание на кучу видеокамер по всему периметру двора и на углах, у каждой стены. Люк медленно открывался, внутри всё было спрятано под специальным теплоизоляционным материалом. Я всё же нашёл вход разводки связи и удостоверился о её присутствии внутри этого зловещего сооружения. Я по совету начальника, начал «вольтить», без Петровича мне здесь не разобраться. Охранник ещё раз меня ощупал, как бройлера на рынке, показал, как пользоваться внутренними переходами, и ушёл на место своей службы пить чай, и чтобы не прозевать моего помощника. Я помнил, входной люк был открытый, и по всему бункеру горел свет. Я нашёл место потеплее и потемнее, зарылся в каких-то картонных ящиках, согрелся и заснул. Без Петровича мне всё равно, работы не было. Когда проснулся, было темно, горело только дежурное освещение, я наощупь пробрался ко входу,

но он был за герметизирован стеной и закрыт. Я не паниковал, охранник видимо не нашёл меня в бункере и закрыл до утра. Я уже придумал отмазку. Паниковать я начал на следующий день, когда ни утром, не днём, не вечером, никто бункер не открывал, бункер не открыли ни завтра, не послезавтра, ни через месяц, ни через год. Я почувствовал себя Робинзоном Крузо, меня забыли здесь под землёй. На второй день своего заточения, я искал уже не выход, а воду, и что-нибудь поесть, я уже сжевал все виниловые кембрики, для изоляции проводов. Лифт работал, но только до обеда, когда появлялся гул внизу, видимо работал генератор. В этом бункере было сто этажей, и каждый был индивидуален, отделён от остальных, перегородками и люками. Я начал свои исследования с низу, но там был хозяйственный сектор – мини электростанция, с подходящими трубопроводами питания, три дизель– генератора, работающие в автоматическом режиме, и наконец то, что я искал, я знал, что в трубах, окрашенных синим цветом была вода. Я пошёл по трубам и нашёл кран отбора. Я напился за три дня, проведённых в этой подземной тюрьме. Я, уже потом понял, что у связистов тоже есть ангел хранитель. Эта вода шла после целой системы фильтров и не была отравлена радиацией. Я продолжал свои поиски, где-то обязательно должна быть еда, владельцы подобных бункеров всегда следили за пополнением продуктов и сроком их годности. Если честно, я не знал, кто жил в этом посёлке – тюрьме, нам так никогда не жить, а я бы и не хотел.

Я вспомнил Чена:

– Ты бы тоже был топтуном, как твой дед.

Дружище, я уже пятый день топчу этот бункер, а здесь даже живых корней нет, нашёл только упаковку от яда, которым травят крыс.

Я уже начал сам с собой разговаривать, меня качало из стороны в сторону, и начались бы голодные обмороки, если бы я не вернулся на третий этаж и нашёл этот, пропущенный мной пункт питания. Потом я на пятнадцатом этаже нашёл подробный план бункера, с инструкцией выживания, но это было потом. А сейчас, я нашёл целый склад консервов, с галетами и минеральной водой. Я ел всё подряд, что смог открыть. Мой перочинный рабочий ножик сломался, я открывал консервы с помощью отвертки и плоскогубцев. Два дня у меня болел живот, я совсем не хотел есть ничего, пил только воду, без газа и то, согретую, каждый глоток отдавался такой спазматической болью. Я не мог двигаться, я только спал, в моём мозгу появлялись такие сюжеты, что мне казалось, что я сошёл с ума. Я открывал глаза и видел людей, деда, Валда, различные картинки, я смеялся, разговаривал с ними. Когда разум возвращался на место, я продолжал поиски. Здесь был целый этаж-библиотека, на двадцать четвёртом этаже была фильмотека, здесь же стояли компьютеры, только интернета не было. Скучно работать с компьютером, без социальных сетей. Я вспомнил – пропала телефонная пара, с этого и начались мои приключения. Я проверил модем, был вытащен

разъём связи. Мне не верилось – из-за такой пустячной поломки, весь этот сыр-бор? Я дрожащими пальцами вставил разъём на место.

– Сейчас свяжусь с оператором и меня вытащат отсюда.

Только чуда не случилось, на дисплее компьютера высветилось: мультфильм. Приключения Али бабы. Али баба и сорок разбойников. Я шатаюсь побрёл к лифту. Нет. В коробке телефонной разводки, связи не было, сигнал пропал. Тогда я понял, что это надолго, и спешить уже некуда. Я исследовал по одному этажу в день, по вечерам смотрел кино на широком экране, лёжа на диване и попивая пиво с чипсами. Пиво было баночное, срок годности полгода. Календарь я не вёл, как Робинзон Крузо, календарь у меня висел на стене, вместе с атмосферным давлением, температурой, скоростью ветра и радиацией. В последнем я совсем не разбирался: пятьсот микрорентген в час – это много или мало? Компьютер ответил:

– В самый раз, чтобы перестать задавать глупые вопросы.

На шестидесятом этаже я нашёл пульт наружного наблюдения, работало всего две камеры из пятидесяти, но мне и этого было достаточно. Данные со всех камер шли в эту комнату, велась круглосуточная запись, в дежурном режиме, каждые полминуты кадр. Я включил воспроизведение за последний месяц. Я снова увидел охранника, играющего с собаками, я дождался своего появления на экране, смотреть на себя со стороны всегда интересно и смешно, этот паренёк, со

спадающими с плеча «когтями», действительно был похож на студента. Я даже успел увидеть подъезжающую нашу машину..., а потом, как кто-то оборвал плёнку. Белый экран с точками. Я догадался переключить воспроизведение на более поздний период. В работе остались две камеры, снимающие подъезд к объекту, но в таком ракурсе. Даже по этим скудным данным я понял, что на дворе война. Одна из камер захватывала часть реки, которая испарилась, оставив после себя обрывистые берега с запёкшейся глиной, и полностью сгоревший лес. На другой камере была дорога к селу. Весь асфальт выгорел, вместе с деревьями, росшими по обочине, дорога превратилась в чёрную полосу, а село – в развалины Помпеи. Мне стало страшно и обидно, что я уцелел. Я понимал, что эта война унесла всех, а кто остался жив, те пожалеют об этом – потому, что придётся умирать медленно. Люди сами вычеркнули себя из жизни. В моей душе была такая апатия, я только следил за состоянием радиации на поверхности, по инструкции я прочитал, что вход в бункер автоматически закрывается, при достижении радиации смертельного уровня, срабатывают все защиты и система жизнеобеспечения, все межэтажные перекрытия раз блокируются и переходят на ручной режим. Там много ещё чего написано, но самое главное, когда уровень радиации будет Двадцать пять микрорентген в час, вход в бункер откроется, автоматически. Потом дядька, с серьёзной чекистской физиономией, предупредил, что не стоит пытаться открывать бункер, до

срабатывания автоматики, для суицида есть менее труда-затратные методы, при этом на дисплее промелькнуло несколько фотографий повешенных с синими языками, и распухшие трупы утопленников. После демонстрации отравившихся, я выключил компьютер. Но всё равно, каждое утро, я на лифте подымался к часам, чтобы проверить падение уровня радиации. Но он оставался почти непоколебим. Одно время я увлёкся чтением книг, решением кроссвордов, компьютерными играми, чем-нибудь, лишь бы не отупеть, не сойти с ума и не превратиться в животное.

Глава 4

Я ненавижу этот бункер, сегодня ровно год, как я здесь. Камеры опять не работают – «Защита информационного потока», я не знаю, что это такое. По календарю полгода осадки – то дождь, то снег, на улице сумрак, я заглянул в запись камер, до их отключения. С неба падали ледяные камни, такого града не бывает, камни разбивались о промёрзшую почву, термометр показывал минус шестьдесят, давление внутри бункера было в секторе – норма, а снаружи, менялось быстрее частоты напряжения в сети, в мирное время. Я начал забывать слова, названия, даже своё имя вспоминал с трудом. От этих консервов меня уже тошнит, я часто вспоминал магазины страны зелёного тумана, как там всё продумано и доступно, здесь в комнатах-холодильниках, всё лежало партиями и пластами. Чтобы добраться до консервированной фасоли, нужно было целый Камаз зелёного горошка пе-

релопатить. Я отметил годовщину вяленой килькой и скисшим пивом. Праздник удался, остаток дня я провёл у унитаза. Долбаный хозяин, запасся всем, что нужно и ненужно, про туалетную бумагу забыл. Труды К. Маркса и Ф. Энгельса я читал полгода, прочёл всё – от корки, до корки! Но ничего, здесь полбиблиотеки было «в свете решений...» и про «Карибский кризис». Я решил заняться йогой, целый час просидел в позе уставшего мусульманина, потом, неделю не мог на ноги встать. И это была одна из начальных поз – поза Лотоса, я пролистал ещё несколько, по компьютеру – это было так легко, что я запросто мог завязаться в морской узел, только распутывать меня было некому, так бы и остался в нирване. И, несмотря на мои героические стремления, с йогой пришлось расстаться. Я, конечно, был давно не в своём уме, но с компьютером я перестал разговаривать на втором году моего заточения. Эта железяка меня постоянно обижала и унижала, обыгрывала в шахматы, ставила детские маты и загоняла в цейтнот. Я на него обиделся! Мы с ним не общаемся уже полгода. В фильмотеке собраны шедевры всех времён и народов. Честно, не прикалывает, смотреть то, что никогда уже не будет, противно. Я просматривал иногда фильмы, чтобы язык не забыть. Я окончательно сошёл с ума: от юмора хотелось плакать, а от музыки болела голова, как от шампанского. Этой спиртной гадости был целый этаж. Блин! Этот хозяин-орденоносец был тайным алкоголиком. На третьем году моей бункерной жизни, начали появляться какие-то сдвиги.

Нормализовалось, наконец, внешнее атмосферное давление, температура упала до минус пятидесяти, опять заработали две камеры наблюдения. Я прокрутил запись, камеры утонули в снеге, только он был не белым, а серым, перемешанным с радиоактивной пылью. Может быть радиация и повысила температуру, за пределами бункера? Я прикинул, над бункером был трёхметровый слой снега, со льдом и пылью. Я, наверное, и умру здесь, под землёй? Правда у меня появился стимул: я каждый день бегал к часам и смотрел на снег в камеры. А ещё ходил к друзьям на шестнадцатый этаж играть в бильярд. Ничего, что они были не настоящими – из поролона и надувные, зато не такие вредные, как компьютер. Я им рассказывал про все новости прошедшего дня, а они слушали и улыбались. Но им тоже надоела жизнь в замкнутом пространстве, они спорили и ругались со мной, тогда я уходил, я знал, что до следующего дня они успокоятся. Прошло четыре года моего затворничества, впервые температура поднялась до плюсовой отметки, иногда термометр показывал плюс пять, снег начал таять сразу и весь, камеры опять спрятались за объявлением «Защита информационного потока». Я просто представил, что творится снаружи. В наших краях почва зыбкая – суглинок с песком, вода моментом впитывается как в посудную губку, но снега было так много, и на часах были осадки, что я боялся, чтобы меня не затопило вместе с бункером, или не снесло течением в океан. Но пронесло. Заработало пять камер, теперь я мог про-

смотреть весь внешний периметр пенсионерского посёлка. Вместо снега остались сплошные лужи, земля была похожа на болото, высохшая река превратилась в сплошной «Ниагарский водопад». В бункере было сухо, радиация упала до ста микрорентген в час, но автоматика не спешила срабатывать. С повышением температуры на улице, увеличивалось количество работающих камер, я уже мог заглядывать даже в село. Не знаю, какую защиту придумали специалисты для аппаратуры и линий передачи видеосигнала, но прием был чёткий и запись качественной. Я ежедневно любовался развалинами бывшего жилья. После такой войны и четырёхлетней зимы, вряд ли кто уцелел. На Земле погибли все живые существа, человек не оставил, всё забрал с собой. Отец рассказывал, что после аварии на Чернобыльской атомной электростанции, в нашем посёлке воробьи и ласточки пропали, не было не галок, не ворон, не голубей. А дед лосей, кабанов и косуль из России завозил в питомник. И рыба в реках пропала. А после этой войны? Вот так и динозавров человек истребил, а зима добила всех, пришлось слонам в мамонтов превращаться. Я уже хотел уходить с поста наблюдения, когда на одной из камер четко просматривался вертолет, зависший над посёлком. – Люди! Живые люди! Военные. Прилетели спасать нас! Меня ноги сами понесли в лифт и к выходному люку. Я не верил своим глазам. Но люк был закрыт. Я, от бессилия, лупил по этой крышке, сбивая руки до крови. По лицу катились слёзы. За пять лет, я впервые увидел

людей, это давало, хоть какую надежду на продолжение жизни. Значит не все погибли! Стоит ещё сражаться за жизнь. Я опять спустился на шестидесятый этаж, в пункт наблюдения, и просмотрел в записи вертолётный облет села. Вертолетов было два, я включил увеличение, это были лёгкие вертолёты, рассчитанные на одного пилота и двух пассажиров. На каждом вертолёте была скорострельная пушка. Я рассматривал амуницию пилота, в специальном лётном военном костюме он был похож на супермена из чужой галактики. Его пассажиры немного смазывались при увеличении, на них были меховые куртки, шапки и унты. На унтах, какие-то прозрачные калоши. По эмблеме на кабине, вертолёт был не белорусским, скорее натовским или польским. Да, какая разница! Люди нас спасти прилетели! Я продолжал осмотр, к вертолёту была пристёгнута корзина, я добавил увеличение. В корзине были люди, мёртвые люди: мужчина и два ребёнка, у мужчины из раны ещё шла кровь и большими каплями падала на землю. У меня похолодели виски. Люди выскочили из убежища, к долгожданным вертолётам, надеясь на спасение, а по ним из пушки. Я понял, война продолжалась, только уже не за амбиции и территории, а за еду. Стоило убивать людей, чтобы грузить их в корзины? Я был благодарен защите бункера, что остановила меня. Один из вертолётов сделал круг над бункером, военным, наверное, уже были знакомы подобные объекты, пилот выбросил маяк, и вертолёты полетели на запад. Я понимал, что они ещё вернуться, а я зарыт,

как крот в норе и сбежать не могу. Выкурят, как пить дать, выкурят. Я молился на часы, лишь бы защита двери открыла. Целыми днями я находился на пункте внешнего наблюдения, радиация была близка к пятидесяти микрорентген в час, но люк был закрыт. Я уже приготовился к побегу, около входа меня ждал рюкзак с консервами и водой. Я решил пробираться к своему посёлку. По трассе, до него было двенадцать километров – пару часов ходьбы, но это по трассе. А сейчас трассы нет, всё перерыто потоками воды, почва, как болото. Пугать себя было бесполезно: жить захочешь, по воде побежишь. Люк открылся вечером, я не стал задерживаться, натянул на себя РЗК, вытащил рюкзак, заблокировал люк, и бросил в реку маяк, это должно было задержать преследователей. Целую ночь я шёл. Без компаса, без ориентиров, по памяти, под ногами было сплошное месиво. Я проваливался, падал, подымался и шёл. Начало светать, это был угрюмый, серый рассвет. Я шёл вдоль реки, и, минут через пятнадцать, был возле развалин посёлка. Спрятаться было негде, вся местность была открыта для вертолётчика. Я огляделся по сторонам. Вся земля была в оспинах и в морщинах, прорытых водой, а над сухим болотом зеленел очерет. И над его поверхностью был купол из радуги. Я моргнул, достал из рюкзака бинокль, радуясь, что нашёл его в бункере. Очерет стал ближе, целая стена камыша! И я побежал. Мне до спасения были считанные шаги, я провалился в ров, и одновременно услышал шум обеих вертолётов. Я весь перепачкался

в грязи, вряд бы они могли меня увидеть во рве, но военных тоже привлекла зелёная полоса очерета. Оба вертолётá приземлились недалеко от меня, лётчики остались возле машин, а пассажиры шли прямо на меня, приближаясь всё ближе и ближе. Моё сердце колотилось в сумасшедшем ритме, и я, как испуганный заяц побежал в сторону спасительного камыша. Мне повезло, что у пассажиров не было оружия, они бросились за мной, но было поздно, ещё между нами был ров. Пассажиры мешали лётчикам открыть огонь, а я уже бежал по знакомым очеретовым тропам, придерживаясь левой стороны. Я ещё успел услышать шипение, как будто молния где-то ударила рядом: запахло озоном и шашлыком. Я уже почти добрался до острова, когда услышал за собой сопение и лёгкие шаги, как, кто-то догонял меня. Я остановился, всего на секунду остановился, как со всего размаха в меня въехала девочка, лет пяти, в военной куртке лётчика. Она тоже не ожидала, закричала с перепугу, но тут же закрыла себе рот ладошками, испуганно оглядываясь назад.

– Ты кто? – спросил я её. Она не ответила на мой вопрос:

– А ты не людоед?

– Ну, вот ещё? Ты не вкусная, сопливая!

Девочка улыбнулась.

– А мама говорила, что сладкая!

И ребёнок заплакал навзрыд, утонув в моих объятиях. Я не стал успокаивать, знал, что будет хуже, просто дал выплакаться девочке, вскоре её всхлипывания стали тише, и ребё-

нок заснул, согревшись на моих руках. Бедная девочка, видимо ей пришлось многое перенести. Я, так, на руках и до-нес её на остров. Девочка спала недолго, минут двадцать. Открыла глаза и снова испугалась меня.

– Ты кто? Леший?

– А, что, похож?

– Угу.

– Нет, не леший, не водяной, и не мутант! И сопливых детей я не ем.

Девочка опять улыбнулась:

– А почему с бородой?

Мне стало стыдно, ребёнок бороды испугался.

– Просто сбрить нечем.

– Там, под деревом в коробке ножницы есть.

Потом она помолчала:

– Был ещё сахар, но я его съела. Давно съела.

– Ты, наверное, голодная?

Она посмотрела в мои глаза, они у девочки были такими синими. Я доставал консервы, только открыть их было нечем, я в спешке забыл всё в бункере – и отвёртку, и плоскогубцы. Девочка поняла, и из кармана куртки достала нож, на котором было всё: ложка, вилка, штопор и многое такое, чего я не знаю.

– Папа на день рождения подарил.

И она опять заплакала. Я развёл лёгкий костёр, подогрел тушенку. Девочка успокоилась, и пока она голодными дро-

жащими ручонками, вылавливала ложкой мясо из банки, я потихоньку стал расспрашивать её. Девочку звали Гряжина, папа у неё был военным морским лётчиком, они жили семьёй на базе. Мама тоже работала там. Потом всех переселили под землю. Было всё хорошо, было много детей, мы играли, так весело было. Так было три года. Потом, кто-то отравил продукты, много людей умерло. А мужчины, кто остался в живых, стали глотать специальные таблетки для военных и сошли с ума, они убивали друг друга, и всех на своём пути, они убили мою маму, они съели всех детей. Папа забрал меня, и мы улетели на вертолёт на его Родину, только не хватило горючего, и мы приземлились здесь, у камыша. Гряжина взяла мой бинокль и показала останки сгоревшего вертолёта. Я не стал подгонять ребёнка, для неё был неприятен этот рассказ.

– Я осталась в камыше, а папа пошёл к вертолёту. выстрелы раздались раньше, чем я услышала звук винтов. Это был точно такой вертолёт, как гнались за тобой. Папа упал, я выскочила из камышей, но два дядьки бросились мне наперерез, я испугалась и снова заскочила в камыш, дядьки кинулись за мной, я думала они поймают меня, но камыш спалил их молнией, так же, как и тех, кто бежал за тобой. Вертолёт улетел, но папы не было, и наш вертолёт они спалили.

Всё-таки, это были каннибалы. Я знал, что военные не оставят нас в покое, и стал малую подготавливать к переходу в страну зелёного тумана. Мне не надо было ничего придумывать.

мывать, я ей рассказал про то, как я воспринял эту страну в далёком своём детстве. Девочка слушала мою сказку и засыпала на моих коленях со счастливой улыбкой. Я учил девочку волшебному заклинанию, заставляя её повторять:

– Даю слово чести!

Как я за неё переживал? Я боялся, что очеретовый вал не пропустит её. Я готов был сделать десять попыток, ибо знал, что несколько тысячелетий нужно, чтобы возродился этот мир, чтобы учёные-археологи будущего, пытались решить загадку:

– От чего вымерли человеки?

Я забрал коробку со швейными иглками, срезал ножницами выросшую в бункере бороду. Уже рассвело, над островом появилась радуга. Я услышал шум винтов вертолёта. Судьба нам дала только один шанс. Я осторожно разбудил девочку и попросил, чтобы она произнесла заветное слово. По верхушке очеретовых зарослей пробежала волна. Вал дал добро, и мы ступили на мост, туман спрятал наши фигуры, но я услышал недовольство военных, нашедших, покинутый нами остров, по следам. Они не поняли, куда мы пропали. Этот раз они были вооружены, в их руках были огнемёты. Гряжина правду сказала, что это место волшебное, заколдованное. Камыш до последнего защищал нас. Мы уже прошли половину моста, когда я услышал треск сгораемого камыша и ужасающий крик, поджёгшего его людей. Мост тоже за нами горел, но мы уже были в стране зелёного тумана. На этот

раз, встречальщика на месте не было. Гряжина смотрела на меня своими синими глазами:

– Мы что? Уже в сказке?

Я кивнул:

– Это страна зелёного тумана. Нас должны были встретить, но никого нет.

Вдруг по тропинке к мосту выскользнула девочка, копия Гряжинки. Две девочки вылупились друг на друга и открыли рты от удивления. Я понял, это была окседианка, а их хлебом не корми, дай кого-нибудь перекривить или разыграть. У Гряжинки даже язык отнялся. В конце концов, она справилась с растерянностью:

– Ты кто? Зеркало?

Я перевёл вопрос девочки на универсальный. Окседианка рассмеялась, на плутоватой рожице появился румянец, ей понравился вопрос.

– Ага, зеркало!

Мне надоело работать переводчиком:

– Ты, встречальщик?

– Ага, встречальщик.

– Как тебя зовут встречальщик?

– Ага, ...

– Слушай Ага, проведи нас до города.

Девочка покраснела:

– Сам ты такой! Я Росинка. И, вообще, я с незнакомыми мужчинами не знакомлюсь на улице.

– А я Майкл. И мы не на улице, а возле моста.

Росинка всплеснула руками:

– Ой! Мой прадед про вас так много рассказывал!

Я не ожидал встретить правнучку Валда, спросил, жив ли он ещё, но девочка потупила глаза. Я подарил бинокль Росинке. Она сказала, что ей прадед дал это имя, в память о ясельном друге. Гряжина смотрела на нас обеих, как бдительный гражданин смотрит на шпионов.

– Это вы на каком языке сейчас разговаривали?

– На универсальном, а что?

– А почему я ничего не понимаю? Папа всегда говорил, что мой язык универсальный. Родилась я в Польше, потом отца перевели в Чехию, мама из Риги, а папа из города Мажейкяй.

Я убедил девочку, что это другой универсальный язык, и что мы идём в столицу страны зелёного тумана, чтобы она там, в яслях его выучила. А девочку зовут Росинка, она наш встречальщик, проведёт до города. Росинка посмотрела в бинокль с обратной стороны, и он, чуть не выпал из её рук.

– Это что – уменьшитель? Всех маленькими делает?

– Да, уменьшитель и увеличитель.

Я отрегулировал развод бинокля, навёл на город и заставил Росинку приставить глаза к окулярам. Блин! Я не ожидал такой реакции. Здесь было всё – и восторг, и визг, и ещё с десятков неопознанных эмоций. Девочка не выпускала бинокль из рук, по дороге к городу, она раз сто переворачивала его

в разные стороны. Девочка остановилась перед стенами. Я догадался, что ей не терпится похвастаться подарком перед подружками, дальше дорогу я знал, поэтому отпустил ребёнка. На этот раз, встречающим у входа в столицу страны зелёного тумана, был пожилой мужчина, он подошёл к нам. Я представился, как Майкл, сын Зельда, топтун, веду ученицу в ясли. Мужчина был удовлетворён моим представлением. Я добавил, что земной портал закрыт, и в наряд, встречальщика к portalу, можно не ставить. Гряжина с ужасом смотрела на издевательства медиков. Я постарался её успокоить, объяснив, что в этом городе свои критерии веса – нельзя быть толстым, и нельзя быть худым. За этим следить всё время приходится. Тебе инструктор в яслях всё объяснит.

– Ну, я же нормальная?

– Надеюсь!

А сам переживал за эту девочку, так же, как, в своё время, Зельд за меня. Медицинский осмотр мы проходили вместе, от взвешивания до очищения, только в разных потоках. С малой было всё в порядке, а я был в маленьких плюсах, пришлось три круга по стадиону пробежать, чтобы согнать вес. Всё повторилось, как и тогда – одежду нашу забрали, вместе с рюкзаком и консервами. Сказали, что на консервах нет отметки калорийности. Я еле упросил, чтобы Гряжине вернули нож, как память об отце. Девочка с интересом смотрела на город, она ещё не догадывалась, что это муляж, а настоящий город нас ещё ждёт. Но для малышки, итак, впечатле-

ний было море! Я вспоминал наставления деда: в этом мире нельзя никого обижать, обзывать, здесь живёт добрый народ, но очень обидчивый. Сначала присмотришься к окружающим, чтобы ненароком не обидеть никого. Если видишь кота, лошадь или хомяка, здесь нет таких животных, это такие же народы, как Люди, или Окседянцы. Гряжинка задала вопрос:

– А, Окседянцы – это кто?

– Росинка – Окседянка. Они легко меняют форму и могут превратиться в любое существо этого мира. Очень любят розыгрыши, но все шутки у них добрые, не обидные. Ты же не обиделась, когда Росинка спародировала тебя?

Гряжина замотала головой:

– Нет. Она мне понравилась. Это так неожиданно было посмотреть на себя со стороны.

Глава 5

В яслях был новый инструктор, он же воспитатель, комендант, и директор этого заведения. Его имя не смог выговорить даже я, оно про клокотало в его необъятном горле двухминутным одиночным выстрелом. Инструктор с иронией посмотрел в мои глаза и снисходительно, позволил называть себя учителем, он знал, что для жителей столицы страны зелёного тумана, есть определённые трудности с запоминанием его имени, а о том, чтобы его произнести, нет и речи. Учитель выглядел непропорциональным и странным, на фоне остального народа столицы: у него были тонкие и длинные ноги, короткое туловище, на нём были длинные полоса-

тые брюки, неопределённого цвета и короткая меховая куртка, с открытым передом – куцубейка, но самым странным у этого создания была его уродливая голова, состоящая из сплошных наростов, разной формы и разных оттенков. Самый большой нарост светлых тонов был на груди, он являлся подставкой для носа учителя, который был точно такого цвета, как и подставка, всё остальное было более тёмных тонов, и столь же разительно отличалось от симметрии остального тела, своим уродством. По самому верху безволосой головы ровными рядами шли наросты красного цвета, что делало учителя, похожим на птицу, особенно, если смотреть на него в профиль. Он был похож на смесь петуха с пеликаном. Нет – на китоглава! Тем не менее, универсальным языком он владел в совершенстве. Я представил ему девочку, рекомендуя её, как будущую свою помощницу. Китоглав кивнул и записал Гряжину в список учащихся, он показал нам комнату, в которой будет жить девочка, посетовал на то, что мы приехали рано и Гряжина слишком мала, он сомневается, что в этом наборе будут её ровесники. До начала занятий было ещё больше полмесяца, комендант поселил меня в комнату для гостей, и по неписанным правилам столицы, дал нам три дня для ознакомления с городом, с яслями, с условиями проживания и досуга жителей столицы. Он куда-то спешил, это чувствовалось по его внутренней нервозности, универсальный язык, в его исполнении, превратился в скороговорку, я ещё успел разобрать, что мы можем воспользоваться услуга-

ми такси, или гида, и что он записал нас на отработку, так что, через три дня он ждёт нас у своего кабинета после завтрака. Я ещё помнил устройство яслей, и знал, где находится столовая, поэтому, к радости директора, мы его отпустили. Китоглав извинился, сказал, что сегодня день рождения у дочки, а он ещё не успел выбрать подарок. Раздался сигнал на обед, мне было интересно понаблюдать, сможет ли Гряжинка освоиться сама в этой столовой, я помнил, у меня были кое-какие трудности в своё время. Гряжинка пряталась за мою спину, в момент нашего разговора с директором яслей, внешний вид этого существа напугал девочку, она ещё не успела освоиться в этом мире, и интуитивно боялась непохожих на нас существ. Бедный ребёнок видел более страшные вещи, она боялась отпустить мою руку, я, как мог, старался успокоить девочку. Я сел за стол, дождался пока Гряжинка осмотрится в столовой, и дал ей полную свободу действий в выборе продуктов. Девочка подошла к дисплею столовой, пятилетний ребёнок справился быстрее с задачей, чем я, в первый раз, попав в эту комнату приёма пищи. Если честно, мы оба проголодались, и при появлении заказа на столе, я отвлёкся, и не заметил, как появилась ложка в моих руках. У девочки был неплохой вкус. Гряжинка летела к столу, довольная и раскрасневшаяся от того, что ей доверили это ответственное дело, как заказ блюд в электронном меню. Но её истеричный крик, вернул мой разум на место, отвлекши от гурманского наслаждения. Девочка убежала на середину

столовой, и не прекращая кричать, показывала пальцем на стол. Это было моё упущение, я забыл ей рассказать про живые «макароны». Что же, что сама заказала, то и приходится есть. А, корни, как назло, расползались в разные стороны, не отставая от вермишели, похожей на опарышей. И кашу Гряжинка выбрала синего цвета. Еле её заставил компот выпить, заказал ещё пару стаканов очеретового лимонада, но девочке лимонад не понравился. Ребёнок уходил из столовой явно голодным. Я надеялся, что может что мы сможем найти в магазинах на дозаправку, времени у нас была уйма до вечера, и я сагитировал малу на прогулку. Руки девочки сразу потянулись к колбасе, её здесь было столько видов. Не знаю, почему-то местные не очень любят этот продукт. Живые корни вкуснее того фарша, что им предлагали. Я, честно, не знал, из чего, и где, в стране зелёного тумана производят этот продукт, но девочку удовлетворяло то, что колбаса не бегала, не прыгала и не карабкалась на стены. Потом мы взяли парочку пышных булочек; я, то знал, что пшеница не растёт в этих краях. Для себя я выбрал очеретовый лимонад, девочке понравился цвет напитка из травы лягушатника.

– Это что? – спросила она.

– Томатный сок. Блин!

Я вспомнил на что похож вкус этого напитка. Мы нашли беседку, в которой можно было перекусить, незаметно для других. Она, как и всё в этом мире была сплетена из камыша. В углу стоял ящик для мусора. Малая трескала за обе щеки,

наголодалось дитё. Вдруг лицо у неё вытянулось, она с набитым ртом показывала на выход из беседки. К нам щемился гость с туловищем крокодила, и головой бульдога. Я уже не знал, в какую мне стойку становиться, чтобы защитить себя и малу, когда это чудовище, не обращая на нас никакого внимания, отправилось к ящику для мусора. Я вспомнил – это был уборщик, обычно они работают по ночам, здесь говорят, что встретиться с уборщиком – это к счастью. Пока работал смесь крокодила с бульдогом, в беседке стояла такая тишина, и от обилия счастья мне хотелось скорее вернуться домой – в ясли и залезть под кровать. Мала так и застыла с набитым ртом, а я с бутылкой лимонада в руке. Крокодил покряхтел, и наконец, покинул беседку, вместе с собранным мусором.

На следующий день, за нами увязался гид, это был, наверное, единственный гид на всю страну. На вид мальчику было лет десять – двенадцать, вид, конечно, у него был не презентабельный, из носа постоянно лилось, волосы слиплись, глаза закисло и гноились по краям глазниц, от тела отваливались пересохшие струпья. Я уже не знал, как от него отделаться, нам с Грязинкой пришлось вернуться в ясли, в надежде, что этому чуду надоест преследовать людей, предлагая им свои услуги. Из-за шторы я тайком наблюдал за гидом: он расположился, с полным комфортом, на ясельной скамейке, всем своим видом, показывая, что ему спешить некуда. Гид пропал на несколько секунд, я уже собирался

оставить его с носом, и тайком улизнуть из убежища, но не успел, он вынырнул из ближайшего магазина с пирожками. Я никогда не видел, чтобы так ели пирожки, он раскрыл рот, полный гнилых зубов и высыпал в него всё содержание пакета. Лучше бы я на это не смотрел. Рот у мальчика раскрылся, как у змеи, больше ста восьмидесяти градусов и был мечтой, для любого ужаса вселенной, он сплошь состоял из зубов. Пирожки прошли, как бумага, через шрёдер, я даже не успел заметить, жевал их мальчик, или нет. Появление учителя спасло меня от оцепенения, Китоглав всегда появляется вовремя.

– Это кто? – показал я на, доевшего пирожки, мальчика.

Учитель отреагировал:

– Где?

Он в упор не видел пацана! Я начал злиться:

– Этот гид.

– Ах, Гуня? Как объяснить? Это последний представитель двух вымерших народов – ревлеев и струпаев, мальчик в равных пропорциях относится к обоим народам. Гуня сирота, оба народа вымерли в один день, подвергнувшись инфекции, Гуня спасся благодаря тому, что был в то время в яслях, на обучении. Он так и остался в этом городе, живёт у учёных, работает гидом.

– А он, это самое, не опасен, этот Гуня? От него нельзя заразиться?

– Укус струпая смертелен. Существо не умрёт сразу, бу-

дет разлагаться и рассыпаться по частям, минут сорок. Но насчёт Гуни вы не беспокойтесь, он адекватен, и находится под постоянным наблюдением врачей и учёных, у мальчика есть специальный ингалятор, нейтрализующий его ядовитые железы и убирающий неприятный запах изо рта. Гуня – ребёнок, очень дружелюбен, у него нет сверстников в городе, поэтому он тянется к вам. Я вас прошу! Не бойтесь ребёнка и не гоните его. Вы, ведь тоже, в каком-то смысле исчезнувшая нация.

Учитель поинтересовался, когда у нас закончится отпуск, посоветовал мне, на время обучения Гряжины, подать заявку на прохождение обучения на топтуна.

– У вас есть выбор: не хотите учиться, есть общественные работы. За пределами города никто вас принуждать не будет.

Китоглав навязал нам этого гида. Мальчик, действительно, оказался очень общительным, он очень удивился, что Гряжина не владеет универсальным языком, у него даже запал пропал: – он приготовил столько интересных историй для девочки. Гряжина, при приближении этого странного существа, старалась спрятаться за мою спину, её природная чистоплотность, не могла мириться с физиологическим феноменом Гуни, всеми фибрами души, вызывая патологическую брезгливость к Гуням, и им подобным. Мальчик не расстроивался, он уже привык, что эти горожане малоразговорчивы, вот у них дома... и из носа опять потекло. До конца дня мы узнали всё о этом городе и о его основателе Зельде. Меня,

как молнией прошило:

– Как ты сказал? Столицу страны зелёного тумана создал Ткач?

– Ну да! Он научил народ плести города, дороги, мебель. У нас ткачи – самые уважаемые люди! Пока вы со своей дочкой спите в яслях, тысячи ткачей работают, не покладая рук, заботясь о безопасности города.

Я не стал исправлять ошибку гида насчёт родственности меня и Гряжины. Так вот что скрывал дед в своём имени? Зельд, я так ничего и не знаю о твоей судьбе, ты так и остался перед моими глазами, живой, загадочный, на меже со стеной очерета. Гуня о чём-то спросил, но я задумался и пропустил смысл вопроса.

– Вы где завтра будете?

– Хочу малу покатать на фуникулёрах. Последний день отпуска захотелось провести на природе.

Гуня сморщился:

– Жаль! Жаль, что меня не будет. Переэкзаменовка гидов.

Я облегчённо вздохнул, как он мне надоел, этот Гуня! Последний день нашего отдыха, прошёл почти без приключений: Гряжина отказывалась завтракать в столовой, она с ужасом смотрела на все продукты, приготовленные из живых корней или их измельчённых копий. Я уже привык, девочке достаточно было порции манки и морс, или горячий чай. Я знал, что пшеница не растёт в этой стране, значит нет муки: все печёное, в том числе и манка, приготовлены из чего-то

другого, а в любимых пирожках девочки, вместо ливера, всё те же живые корни. Я молчал, это был именно тот случай, когда молчание ценнее правды. Мы выбрали произвольное направление на фуникулёрах. Кабинка была открытого типа, разреженный туман ещё ночью выпал на землю, а днём он делился слоями, гоняемый тёплым ветром. Интересно было наблюдать, как он прятался в лесу, выдавая такие фантастические сюжеты. Туман, под светом местного Солнца, переливался разными оттенками, со всеми фантазиями, доступными цветовому растру. Вдруг я заметил какое-то шевеление. Нет показалось. Гряжинка показала пальцем:

– Там, в траве, кто-то есть.

Я присмотрелся. Фуникулёр, как конь на привязи, стоял в своём причале, и терпеливо ждал конца нашей экскурсии. Трава опять зашевелилась, как, кто-то невидимый, пытается разгладить свои следы. Потом, что-то упало, и покатилося вниз, приминая нетронутую траву. Гряжинка первая заметила пауков. Это были странные пауки, они были очень маленькие и имели превосходную маскировку – их тела отражали всю местность, на земле они были цвета земли, в траве их не заметишь. Их можно было определить только по движению. Я посмотрел на паука поближе: у него было восемь ног, небольшое бронированное туловище, и голова, как у муравья. Что-то мне этот пикник не нравился, сразу отпало желание поваляться на траве. Я поторопил Гряжину и мы покинули это подозрительное место. А может быть здесь клещи

и клопы водятся? Неторопливый плавный ход фуникулёра располагает к философским мыслям. Я задумался, и заснул. До города мы не доехали, нас выкрали, прямо из кабины, над пятидесятиметровой пропастью. Ладно я спал, но Гряжина, она ничего не помнила. Какой-то розовый сладкий дым. В себя мы пришли в яме, накрытой очеретом, внизу тоже были вязанки сухого камыша. Во рту неприятное ощущение – оскомины, при разговоре, все мышцы лица вязало и речь получалась растянутой, неосмысленной. Я стал осматриваться, привыкнув к полумраку нашего местоположения. Яма была явно природного сооружения, или очень старая звериная лёжка, вся яма была покрыта живорастущей травой, ближе к одному из краёв ямы, был вкопан стол, на котором стояла высушенная полая тыква с водой. Я вспомнил уроки деда, как напиться с помощью травинки, я нашёл подходящую камышинку и показал девочке, как пользоваться сосудом. Малой понравилось, я её немного отвлек от плохих мыслей, у девочки была только одна фобия – она во всех наших бедах винила людоедов. На наших ногах были браслеты с кольцом, пропущенным через трос, закреплённый на дне ямы. Наши движения были ограничены: мы не могли прыгать, летать, убежать можно было, только до конца ямы.

«Как зверь, прикованный к кольцу» – вспомнились мне чьи-то слова.

Вдруг в яме стало светлее, и сверху на нас свалилась огромная капля, она висела на своих резиновых канатах, в

воздухе, в метре от земли, это было настолько неожиданно, что Гряжинка, даже испугаться не успела. Капля была прозрачна, и совсем незаметна на свету, а в полумраке ямы её контура хорошо просматривались. Первое впечатление говорят обманчиво, но я посмотрел вверх, мне показалось, что такая капля, запросто могла выпасть из носа великана – Гуни, но никакой людоедской рожицы над ямой я не заметил. Потом я увидел на капле маленькие ножки, и я понял: передо мной была обыкновенная гигантская тля, которая тоже рассматривала нас бесцветными глазами-бусинками, их было очень тяжело определить на фоне остального тела капли, только по движению природных линз. Тля заговорила, оказывается у неё даже рот имеется. Универсальный язык в её исполнении был великолепен. Тля извинилась за причинённое нам временное неудобство, и за нарушение наших планов.

– Мы вас похитили, чтобы обменять вас на нашего лидера, которого схватили рауши.

Я вздохнул с облегчением и поспешил обрадовать малу, что нас есть никто не собирается. Капля улетела вверх, а нам спустили ужин, без живых корней. Я не знаю из чего, но всё было приготовлено очень вкусно, мы с Гряжиной ели наперегонки. К сожалению, наслаждение сытостью прошло быстрее, чем остальные человеческие слабости. К нам опять на голову свалилась куча муравьёв (рауши, как говорила капля), мы с Гряжиной уже начали привыкать к появлению не

званных гостей. Крыша из очерета над ямой, съехала, обнажив участок звёздного неба. В этом мире, когда нет тумана, можно увидеть звёзды. Яма слабо светилась, внутри, муравьи, отражая этот свет, становились фантастическими созданиями, висящими на тонких рубиновых паутинках, похожим на оптическое волокно. Красиво, и почти не страшно. У меня зрение сильно ослабло, я не мог видеть сигналы этой разноцветной мелочи, тогда муравьи решили наладить контакт с девочкой. Гряжина сказала:

– Шуметь не надо, муравьи хотят освободить нас.

Действительно, вскоре я перестал чувствовать браслет на ноге, и с края ямы, к нам осторожно вползла верёвочная лестница. Я уже не верил в наше скорое освобождение, но через несколько минут, мы с малой ехали в фуникулёре, заканчивая свой дневной вояж. До яслей мы добрались поздно ночью. Утром проснулись с тяжёлыми головами, по сигналу на завтрак, и от шума в коридоре. Начали появляться первые обучаемые из Гряжиной группы, в толпе мелькали корреспонденты местных газет и журналов, разыскивающих «похищенных» землян. Я выдернул Гряжину из толпы, и мы убежали в столовую, подальше от этого гвалта. После ужина у «капель», есть почему-то не хотелось, девочка заказала два «томатных» сока. К нам подсел учитель, он же воспитатель, директор и кастелян этого заведения, в образе птицы-Кито-глава: – Вы знаете? Первым вашу пропажу заметил Гуня, он поднял шум на всю столицу. Мальчик не дождался вашего

возвращения, и поднял народ на поиски. Но вмешались рауши, у них всё было на контроле. Хорошо, что вы здесь. На сегодня нам трудовую повинность отменили, а завтра – добро пожаловать на наряд.

– Мне было бы спокойнее, если бы вы не покидали сегодня территорию города.

Учитель напомнил мне насчёт заявки на повышение общеобразовательного уровня, да и гильдию топтунов желательно вам посетить, чтобы обязательно вас включили в списки. Учитель выскользнул из столовой, а мы рассматривали новых учеников, знакомящихся с внутренним устройством яслей. К Гряжине пока никого не поселили, и то хорошо, ей пришлось не по вкусу новое пополнение: каждая группа существ говорила на своём, понятном только для неё, языке, стараясь перекричать друг друга и всех в этом здании. Кошмар! Многовековая самоорганизация прослеживалась во всём, что касалось общественных работ. Пришёл распорядитель и взял всех, находящихся в яслях, по дороге к нам стали присоединяться отдельные группы из местного городского населения. Наряд у нас был на отлов живых корней в северных пещерах. Бедная Гряжина! Она их панически боится. По пути к нам прибился Гуня. Ну, как без него? Мне кажется, что он специально напросился в наряд, чтобы быть поближе к нам. Пока мы добрались до фуникулёра, нас собралась огромная толпа; корзина шла за корзиной в небо, чем-то мне напомнив земные трамваи, а народ всё не уменьшал-

ся. Для девочки всё было впервые, у неё глаза разбегались от различных форм существ, принимающих участие в общественных работах. Я сделал замечание Гряжине:

– Неприлично так глазеть, когда находишься в обществе.

Девочка тут же опустила глаза. Она ещё не знала, что предстояло делать в северных пещерах, а я не знал, как подготовить её к этому мероприятию. Наконец, настала наша очередь, и корзина понесла нас в самые далёкие и высокие горы страны зелёного тумана.

Глава 6

Сначала было всё хорошо – тихо, спокойно, всех разобрали по бригадам, выдали мешки для сбора продукта, специальные одноразовые перчатки, и девочки пошли в пещеру. Я попал в бригаду грузчиков. В бригаде у Гряжины было шесть девочек и два мальчика. Я не буду останавливаться на описании экзотического вида будущих учениц, скажу только то, что они вышли из народа с очень длинными шеями, а у мальчиков были роскошные белые волосы, спускавшиеся с головы, почти до самых пят. Никто из этой бригады не знал универсального языка, всё приходилось объяснять на пальцах. Бригадир поймала несколько корней и показала, как их бросать в мешок, чтобы они не сбежали. Дети смотрели на эту тётю с ужасом, у Гряжины начал раскрываться рот. Я уже знал, что это значит. Женщина повела бригаду в пещеру. Корни, по колебанию в воздухе и в почве, определили откуда грозит опасность, и, отрываясь от материнского тела, чем-

то похожего на грибницу, бросились наутёк от пришельцев, в разные стороны; дети, с криком ужаса, – прочь от корней. Получается, не только Гряжина боялась эту перемещающую растительность. Детский крик перерос в истерику, и больше всех орали два длинноволосых мальчугана, им казалось, что, кто-то ползает в их головах. Вдруг из гор, по тропинке, выбежало, выкатилось непонятное чумазое существо, напоминающее китайского болванчика:

– Тихо, вы. Не шумите! Птица-Ури не доволен.

Универсальный язык у парня был не на высоте, но его появление и пламенная речь, сбили накал страстей у нашей пещеры, некоторые девочки стали кричать на пол тона ниже. Малыш-китайчонок недовольно шмыгнул носом. Гуня всегда пропадает и появляется вовремя.

– Это мой друг Карим, он здесь живёт, охраняет яйцо Ури.

Гуня попробовал помочь своему другу успокоить девочек, но получился обратный эффект: при виде сопливого гуманиста, крик стал ещё сильнее. Я забрал мальчика, у меня к Гуне было уйма вопросов: кто такой Карим? Откуда он взялся? И что за птица такая Ури? Карим смотрел на истеричек, как на неадекватных. Из накопившихся к Гуне вопросов, я успел задать только последний.

– Ах, Ури? Это пастух, у него отличный слух и он не любит шума.

Гуня испарился на глазах, я ещё успел заметить мелькающие пятки улетающей бригадирши, на поляне, перед

пещерой, стало вмиг свободно – кроме меня и орущей детворы никого больше не было. Это мне, наверное, хотелось так, я боялся обернуться. Сзади меня стояли ноги, обыкновенные птичьи ноги, если на них посмотреть в перевёрнутый бинокль, не через окуляр, а через линзы. Девочки, при виде этого монстра, заверещали ещё больше. Между ног опустилась огромная уродливая голова с безобразным длинным клювом. Это была птица-Ури, собственной персоной. Для неё, видимо, не впервые усмирять детские бунты, она клювом, выхватывала по одному ребёнку, из орущей толпы, подымала высоко в небо, трусила и опускала на землю, легонько щелкнув каждого в лоб. Вы знаете, что такое лёгкий щелчок птицы-Ури. Правильно – как кувалдой по голове! Желание кричать, шуметь, даже громко разговаривать и передвигаться, даже на цыпочках, вмиг проходит. На поляне возле пещеры стояла такая тишина! Муху можно было услышать. Ноги ушли в горы, мягко и беззвучно, переступая между скал. Где-то, когда-то, я уже видел эти ноги, только не помню где. Первыми появились Карим с Гуней, бригадирша убежала очень далеко, но добралась сама, искать не надо было, она залезла в фуникулёр и ждала только одного – окончания общественных работ. Гуня принялся:

– Чем здесь пахнет?

И действительно, в воздухе стоял запах миндаля.

– Сок горной орхидеи. Бежим!

Карим первый определил этот запах, и первый смылся в

свои пещеры. До нас, в том числе и Гуне, всё дошло с опозданием, когда из пещеры миллионы живых корней сплошным валом стали приближаться к нам. И мы побежали! Как же долго отходит фуникулёр от причала, но мы успели, основная масса корней скатилась в пропасть, остальные «макарены» застыли на краю. Этот ароматный сок действовал на корни, как валерьяна на котов. Бригадирша спряталась под нашими ногами, рабочее задание было сорвано, мы даже мешки с перчатками забыли возле пещеры. Мальчишки пытались выпутать корни из голов, но бесполезно, они тут же, с удовольствием, запутывались снова. Мне кажется, что и тут, без птицы-Ури не обошлось. Видимо, её дети так достали своим шумом, что милая птичка не пожалела по капле сока каждому. Гряжине корни набились в рот, половину она не заметила, как прожевала, а половина корней не захотела возвращаться назад. Я подал малой воды, чтобы она запила застрявшую в горле пищу. Девочка посмотрела на меня с благодарностью. На следующий день был «разбор полётов», досталось всем. Бригадирша выскочила в слезах от распорядителя общественными работами. Прибыл усиленный наряд раушей. Я думал нас арестуют и закуют в кандалы, но под контролем сильных Зельдов, в руках которых были рыболовецкие сети, нас опять погнали к Фуникулёру на знакомое северное направление. Этот раз, меня определили в рыбаки. Доверили распутывать и растягивать сети. Мы опутали сетями всю пещеру. Потом Зельды вывели девочек из фунику-

лёра.

– Ой, что было?

Город, за всю историю своего существования не собирал такого улова живых корней. Девочки опять побежали к фуникулёру, оставив сильных мужчин собирать урожай, в том числе и меня. На этот раз скандала не было, и девочки, наконец то попали в ясли, учитель их ждал у входа. К Гряжине поселили соседок. Две девочки ей были знакомы, по общественным работам – из длинношеих, а третья – с шестью руками, прибыла вчера вечером. Девочки совсем друг друга не понимали, все ждали, когда начнётся обучение. Мне же поселили мальчиков с длинными волосами. Учитель ещё раз напомнил мне про гильдию топтунов, про заявку, добавив, что, к концу месяца я должен переселиться в общежитие к топтунам. Я позвал в гости Гуню, он всё знал, где что находится в этом городе. Длинноволосые мальчишки оказались соседями его племени, он знал их язык. И пока я готовил чай из местных трав с добавлением коры горного лимонника, Гуня успел запугать пацанов жуками-стригунами. Сказал, что их здесь водится тьма тьмушкая, постригут на лысо ночью, и проснуться не успеешь. Гуня знал, что у соседей положение в обществе измеряется длиной волос. Чем длиннее волосы, тем знатнее твой род. Я думал Гуня пошутил, но на следующее утро, я проснулся от рёва двух лысых чудовищ, их волосы тут же аккуратно лежали на полу. Это был международный скандал. Мальчики отказывались есть и пить, требовали

сардыка (консула) своей страны, который послал их на это обучение. Гуня меня встретил на улице, и мы пошли искать, где находится гильдия топтунов. Я рассказал ему по пути про проблемы в яслях с мальчишками. Гуня улыбнулся:

– Я их предупреждал, стригуны любят гораев (это народ волосатых так называется), больше их никто не любит, за высокомерие и гордыню.

Сардык прибыл через день, увидев двух лысых учеников, устроил скандал, пока не пришёл наряд раушей и предупредил:

– Ещё одно грязное слово в сторону страны зелёного тумана или руководства яслей, то его привлекут к тюремному заключению, за неадекватность, а на страну гораев будет наложен штраф.

Консул вынужден был прислушаться. Мальчишки не помнили, как их стригли, и кто их стриг, выходит виноваты сами. Для гораев волосы – это было священо. Консул посоветовал ребятам – не вздумать появиться в своей стране в таком виде, надо подождать, пока волосы не отрастут до приличного состояния. Он старался скорее убраться из этих мест, где водится такая напасть, как жук-стригунец. Я думаю, что он, целую дорогу, в своём экипаже, перебирал копну собственных, поседевших волос. Сардык боялся завезти жука в свою страну. Мы с Гуней второй день не можем найти гильдию топтунов, прошли два уровня столицы, а их всего пять, не считая подуровней. Блин! Не город, а слоённый пирог какой-то!

Гряжина привыкала к самостоятельной жизни, но всё равно скучала за мной, и мы, по вечерам с ней гуляли по городу. Гряжине нравилось заходить в местные магазины, нравилось встречаться с мусорщиком, она не без смеха вспоминала, как мы испугались его, встретив в первый раз. Я спрашивал, как у неё дела с новыми соседками.

– Как, как? А, никак! Мы не разговариваем. Они воображали, и меня за мелкую держат. Я им не служанка и не собираюсь угождать.

Я понял: в девичьем коллективе идёт притирка. В столовой Гряжина почти ничего не ест, сок горной орхидеи до сих пор действует, и стоит малой только появиться у дверей столовой, как начинается процесс принудительного кормления. Бедная девочка, я теперь понимаю почему ей нравятся магазины. Всё-таки, птица Ури её чему-то научила, девочка не закатывала истерики, не жаловалась, из неё, со временем должен получиться прекрасный топтун. Злополучную гильдию мы нашли на третьем уровне, и то благодаря Кариму. Птица Ури сел на яйцо и отпустил сторожа в город. Карим прибил к нашей компании. Гильдия топтунов представляла из себя двухэтажное здание с вывеской: «Тракт». Главным зрителем «Тракта» была лошадь. Если бы вы знали, как тяжело разговаривать с лошадьми! Опять же, с помощью Карима, мы порешали все проблемы: и с заявкой на обучение, и с поселением в общежитие. Не знаю. Что бы я без него делал, у меня создалось такое впечатление, что Карим в прошлой

жизни, только и делал, что разговаривал с лошадьми. Общежитие топтунов было на пятом уровне, а учебный центр на четвёртом. Не обучение, а сплошная беготня по этажам. Гряжина расстроилась от моего переселения, но я пообещал её навещать по выходным. У меня учёба начиналась гораздо раньше, чем в яслях. Мне дали пару суток на обустройство, и добро пожаловать в учебный центр. На всё общежитие я был единственный жилец, видимо профессия топтуна здесь не в особом почёте. Я ошибался, топтунов уважали, но эта профессия была опаснее спасателей. В общежитии висит стенд с фотографиями погибших топтунов. Мой дед – в самом центре:

– Геройски погиб, замёрзнув в переходе.

Мне ничего не говорило название неведомой страны, я даже не знал, что тело деда сохраняется учёными в морозильной камере, до появления технологии безопасного размораживания живых существ. Для меня достаточно было, что дед погиб, как герой. Учебным центром руководил всё тот же китоглав, мне кажется ему подчинялись все заведения, что имели отношение к обучению, курсам повышения квалификации и к различным семинарам. Китоглав показал мне кабину, я выбрал ночное время обучения, по опыту я знал, что в любом случае обучение проходит во сне, так лучше спать ночью и учиться, чем днём. Днём лучше закрепляется пройденный материал. Обучение было стандартным, рассчитанным на три месяца непрерывных сеансов. Мы с Гряжинкой

заканчиваем учёбу почти одновременно. Сегодня для меня был первый сеанс, общеобразовательный, как говорил учитель. Я был в шоке, целый день не мог прийти в себя, от той информации, что раскрылась для меня в учебном центре. Страна зелёного тумана – это безграничный мир, бывшие земли безбородых гномов. Она имеет в своём составе бесконечное множество народов, одни народы пропадают, другие возрождаются, страна со всех сторон пронизана порталами в другие миры, которые, повсеместно, исследуются и имеют разные степени защиты. Топтуны – это разведчики, а судьба порталов в руках учёных. А ещё меня поразили дикие черви – это совсем не то, что я представлял: дикий червь похож на платформу маленького танка, который движется под землёй с крейсерской скоростью – пятнадцать километров в час, почти, как лошадь на велосипеде. Платформы червя, вверх может выдвинуть шесть телескопических отростков, которые пробив верхний слой почвы, действуют автономно, разрушая всё подряд. Черви не любят искусственных построек, и обладая достаточной массой, они запросто могут разрушить ограду любой крепости. А ещё черви не любят шум, они слышат даже лёгкие шаги на расстоянии ста метров. Из – за этой способности диких червей, столицу и подняли в воздух над пропастью. За пределами города жильё строят на скалах, на каменистой почве. Черви слепы, но не глупы, слух заменяет им все остальные чувства. От червей можно бы было избавиться, создав духовые оркестры с упором на удар-

ные инструменты, эти подземные танки, скорее всего, капитулировали бы перед величием музыки, но... было одно, но – дикие черви занимают одно из ведущих мест в экономике страны. Вот тут и всплывает наружу птица Ури – пастух диких червей. Партнёрство птицы Ури и народа страны зелёного тумана уходит глубоко, корнями в прошлое. Никто не помнит, как появились пастухи. Слух птицы Ури ещё тоньше, чем у червя, птица слышит передвижение червей под землёй, она с помощью лёгких стуков ногами и клювом по земле, может управлять этим природным танком. Птицы загоняют червей на фермы, работники ферм ждут, когда черви выкинут отростки, фиксируют и закрепляют их в специальных станах, и начинается процесс сбора слизи. Обыкновенными скребками раздражают внешнюю оболочку отростков дикого червя, до появления зелёной клейкой массы. Вот эта масса и является основной добычей фермеров. Я поражаюсь, до чего же изобретателен народ, процесс дойки червей продолжается несколько тысячелетий. Птица Ури останется голодной, если в день не съест одного червя. Благо, чего, чего, а червей в этом мире хватало. Ферма в месяц могла обработать только сто подземных монстров. Вот тут начинается самое интересное – зачем народу страны зелёного тумана эта слизь, собранная из червей? Восемьдесят процентов экспорта страны составляет очеретовый лимонад, который так любим мной. Основным ингредиентом в его производстве и является эта слизь. «Молоко червя», как шутят фер-

меры. Блин! Я, как Гряжина, смотреть в сторону столовых не мог. Правда моей брезгливости надолго не хватило, уж очень вкусен и полезен был очеретовый лимонад. И это был только первый день обучения! Следующей темой были паразиты страны зелёного тумана и способы предотвращения болезней, связанных плотно с этой темой. После второго ночного сеанса обучения, я перестал есть и пить, и спал урывками, боясь встретиться с контролёрами веса. У меня появилась фобия к этим паразитам, я боялся, чтобы они не заползли в мою комнату. На третью ночь меня запугали летающими пещерными кровососами, которые переносят заболевание крови с изменением генетики организма, кабина показала таких мутантов, таких мутантов! Что я боялся нос из-под одеяла высунуть. Не обучение, а фильм ужасов сплошной. Я еле дотерпел до субботы, чтобы с малой развеется в прогулке. Гряжинке, тоже видно было не сладко, но она первая заметила изменение в моём организме: я похудел и позеленел, от учёбы. Я проскакивал, не обращая внимание на прилавки в магазинах, мимо этих колбас, сомнительного качества, мимо напитков, с неизменным очеретовым лимонадом. Я понял:

– Ученье – это зло! Но не ученье – ещё хуже.

Принудительного кормления я всё же не избежал, бригада контролёров-медиков выловила меня в воскресенье. Я, впервые, почувствовал себя рождественским гусем, когда тебе, через воронку заталкивают в желудок всякую всячину.

– Произвол! Это издевательство над личностью!

Но врачам было наплевать на мою неадекватность, они молча смотрели на стрелку весов, и кормили до тех пор, пока весы не показали «норма». Я стал толстый и похожий на пингвина, еле с первого верхнего уровня до своего общежития дополз, хорошо, хоть Гуню по пути не повстречал, а то бы зубоскальства было бы на целую неделю. В столице всегда смеялись над теми, кто докатился до минусового состояния. У Гряжины начались занятия, появились сдвиги в овладении универсальным языком. Теперь она шла по улице и громко читала надписи на вывесках магазинов, прохожие оборачивались, заглядываясь на маленькую девочку и улыбались. Только не это! Улыбка Гуни была похожа на оскал голодного крокодила, Карим, вообще, серьёзным никогда не бывает, всегда улыбается. Наконец девочка может пообщаться с нашими друзьями, правда универсальный язык Гуни не был совершенный, он говорил как-то протяжно и в нос, гундосил маленько. Наверное, поэтому и Гуня. У Карима с языком было всё нормально, если бы он не мешал в разговоре всё до кучи – у него на два универсальных слова, было пять узбекских, три русских, остальное – смесь китайского с чукотским. Но самое странное – все его понимали, надо было только отфильтровывать всё не нужное в его лексиконе. Я спросил у Карима, как он появился в этом мире? Гуня прекрасно знал его историю, и вдруг что, поправлял рассказчика, если не понятно было.

– Давно это случилось. Мой отец был рыбак, наша семья

жила на берегу большой реки, которая называлась Сыр. Я часто смотрел в воду, видел даже рыб со змеиными головами, но никакого сыра в реке не плавало. Мой отец, впервые взял меня на рыбалку, в плавни, ему нужен был загонщик. Пока отец расставлял сети, я разглядывал обитателей камышовых джунглей. Кого здесь только не было: и птицы, и змеи, и бабочки, под ногами копошились толстые усатые сомы, по поверхности водной глади, как на коньках, скользили жуки-плавунцы, степенные пауки плели свою паутину между камышом с наветренной стороны. Прибрежный ветер всегда приносит удачу. В небе закричал коршун, предупреждая окрест о беде. Сменился ветер, принесся зной пустыни. Маленькая лань или сайгак, прыгнул с берега в воду, стараясь раствориться в спасительных плавнях, за ним бросилась целая свора собак, в небе запели стрелы, одна из стрел попала отцу в грудь, он отбивался рукой от напавшего на него сокола.

–Беги, Карим, беги, – только и успел крикнуть отец.

Это была ханская охота, в которой добычей было всё, что оказалось на пути охотничьего загона. И я побежал, за мной погнались собаки, я видел, как защита периметра неизвестной мне страны, разрежала их, почти пополам, я упал в воду и начал тонуть, очнулся высоко в небе, в клюве страшной птицы. Так я встретился с птицей Ури, это он меня спас и притащил в страну зелёного тумана. Местный народ поначалу не принял меня, я не смог объяснить им, откуда появил-

ся. Я был первым землянином в этом мире. Ури взял меня на работу, и с тех пор я здесь, давно это было, много времени прошло. Я не являюсь гражданином страны зелёного тумана, универсальный язык я выучил сам, и все меня знают, как охранника яиц Ури. Ури очень сильны и не общительны, редко кого приближают к себе. Сейчас Ури сидит на яйце, у меня появилось больше времени, чтобы походить по столице, пообщаться с вами.

Я не стал спрашивать Карима, а зря. Карим был кладовая истории народа страны зелёного тумана, от него я мог многое услышать про своего деда – Зельда, про великое противостояние народов, про условные границы этой страны, со всех сторон, окружённой морями: Синим, Зелёным, Янтарным и Глупым. Но все это будет впереди, а сейчас голова раскалывалась от полученных знаний в учебном центре.

Глава 7

Народы, живущие в акваториях Синего и Зелёного морей, чем – то похожи друг на друга: такие же целеустремлённые и жизнерадостные. У каждого народа своя культура, обычаи, нравы, даже кухня у них не сильно отличается друг от друга – одни и те же блюда по– разному называются, на разных языках. Действительно, нужно быть специалистом, чтобы различить эти народы по внешнему виду. Однако, учебная программа топтунов рассчитана была не на этнографию народов, населяющих страну зелёного тумана, её больше интересовали порталы, всевозможные аномалии, связанные с

переходами в другие миры, а также, существа, появившиеся из чуждых миров. Это были случайные пробои, но обучающая кабина выдала столько изображений этих уродов, что я невольно начал задумываться:

– А, правильную ли я профессию выбрал для себя? Ведь топтуны – это первые, кто встречает этих монстров и принимает решение в самый критический момент – между использованием дипломатии и применением оружия, исходя из того, что ценой этого свидания являются их жизни.

Я опять вспомнил про стенд героев в общежитии. Теперь я понимаю, почему жители страны зелёного тумана, относятся к топтунам, приблизительно так, как земляне к альпинистам, признавая, одновременно, и нужность, и неадекватность этой профессии. А тут ещё эта учёба во сне: ты спишь, и полностью участвуешь в процессе прохода через портал, и всё так реально ..., утром возвращаешься в общежитие на пятый уровень столицы, в окружении зелёного тумана, из которого норовят выпрыгнуть ночные образы, зафиксированные в голове учебной программой. Я уже стал шарахаться не только от автомобилей, но и от случайных прохожих. Даже Гряжина заметила мою излишнюю нервозность, а датчики в учебном центре показывают «норма», реакция в порядке, вес, рост – без изменений. Мне стыдно было признаться даже себе, в моей трусости, я уже начал бояться своей тени, и посоветоваться, поговорить не с кем. Карим попался мне под горячую руку, я и вылил на него всю свою внутреннюю

неустроенность. – Раньше я ничего не боялся. А эта учёба на топтуна, сделала из меня такого труса! Карим выслушал внимательно, как всегда:

– К птице Ури тебе надо. Ей и расскажешь про свои страхи. Она поймёт, она вылечит. Ури долго живёт, Ури много видел.

Я пошёл вместе с Каримом к фуникулёру. Ури внимательно выслушал меня, я не верил, что птица способна понять человека, но слушать Ури умел. Потом он схватил меня за ноги, я не знаю, входят ли люди в рацион пернатому, но, что дни мои сочтены, я понял сразу. Ури подбрасывал меня к облакам, тут же ловил над скалами и пропастью. Птица открыла свой мозг, чуждый мозг создания чуждого мира. Ури мыслил образами, но они чередовались настолько быстро, что превращались в непрерывную киноэпопею из картинок, нарисованных в голове птицы. Ури сканировал мои глубоко зарытые в подсознании страхи, где всё перепуталось: колобки, за которыми охотятся различные звери, с медведями, объевшимися корешков, кикиморы с домовыми и огромные головы, под которыми лежат Узи с гранатомётами, змеи Горынычи, с Кощеями Бессмертными, баба Яга с упырями, и всё это на фоне дешёвенького ковра, с пасущимися оленями, он висел рядом с моей кроватью. Оленей я боялся больше, чем остальную сказочную нечисть. Они были, как живые, и всё время смотрели в твои глаза. Ури хорошенько встряхнул меня, из моей головы посыпались эти страшилки, пря-

мо в пропасть. Птица поставила меня резко на землю и ударила клювом в затылок. Я очнулся от того, что Карим налаживает компресс, на голове у меня была огромная шишка. Голова гудела, как колокол, и больше ничего – в душе была такая тишь и блажь. Я заснул, прямо здесь в пещере, под яйцом Ури. Карим говорил, что я проспал до самого вечера, не просыпаясь. Я уже месяц посещаю учебный центр, но сегодня, я впервые шёл к нему, через все уровни, без страха. И утром никаких ухудшений, правда сработала предупредительная сигнализация – я опять был в минусах, похудел от избытка эмоций. Я знал, что от санитарной команды не скроешься, и уже, мысленно, был готов к принудительному кормлению. До чего же это неприятная процедура! На улице ошивался Гуня, клиентов не было, и он выглядел явно расстроенным.

– У Ури птенец вылупился.

– Что же, это хорошо, – поддержал я разговор.

У меня было прекрасное настроение, кажется психотерапевтический сеанс у птицы, прошёл успешно, Ури вытряс все страхи из моей головы. – Ничего хорошего, продолжил мальчик. Ури заберёт птенца и Карима на свою родину, они каждый год уходят к морю, для тренировки выводка. В этот момент все птицы Ури собираются. Я спросил Гуню:

– А где у птиц этот тренировочный полигон? Возле какого моря?

Гуня не знал:

– Возле Глупого, наверное.

Дальнейшие вопросы Гуне задавать было бесполезно, его мозг не реагировал на внешние раздражители. Карим уходил на четыре месяца, для Гуни это была трагедия, кроме Карима у него и друзей не было. Гуня пропал по-английски, не прощаясь, оборвав диалог на пол фразы. Я уже успел привыкнуть к его характеру. У Гряжины были занятия, кроме универсального языка им преподавался общеобразовательный курс по географии и истории этой страны. По мере изучения языка, у девочки стали появляться подруги, она сдружилась с шести рукой напарницей по комнате в общежитии, между ними была небольшая возрастная разница, но они были абсолютно противоположными по характеру: на фоне взрывной, агрессивной соседки, Гряжина казалась сделанной из льда, спокойной и выдержанной. Подружку Гряжины звали Мулин. Они, как дополняли друг друга. Мулин не позволяла, чтобы Гряжину обижали, а Гряжина уберегала подругу от различных авантюр, на которые была склонна Мулин. Я, по-прежнему, приходил по субботам к ясельному общежитию, но у девочки возникли новые интересы, и она больше склонялась к общению с подружками, и часто, в свои посещения, я вынужден был оставаться в роли наблюдателя, за играми подруг. Мулин делала несколько дел одновременно, рук у неё хватало, я удивлялся устройству её мозга, который успевал всё. Гуня боялся близко подходить к яслям, девочки открывали на него охоту, и Гуня моментом превра-

щался в куклу. Эти варвары действовали слаженной бригады медиков принудительного кормления, не помогали никакие отговорки. – Скажите, вас когда-нибудь пеленали? Сажали на горшок с пустышкой во рту? Кормили манной кашей, вытирая постоянно нос слюнявчиком? На голове у бедного Гуни был специальный чепчик, ограничивающий открытие его безразмерного рта. Гуня проглотил уже шестую пустышку, пока Гряжина не посоветовала заменить её кляпом из фрукта, напоминающего по вкусу земляную айву. Гуня ни разу такую гадость не ел, она связала терпкостью весь рот, мальчик так и застыл с открытым крокодильим оскалом. Мулин придумала следующий этап игры: ей не понравился запах изо рта мальчугана, и обилие гнилых зубов. Девочка моментом преобразилась в дантиста, и вполне профессионально начала производить осмотр полости рта пациента, мычащего на всё общежитие. Гряжина ассистировала подруге, подавая то клещи для сахара, то электрические плоскогубцы, пока Мулин всеми своими руками пыталась удержать беспокойного клиента. Гуню спас звонок, девочек приглашали на урок в учебный класс. Я не знаю, как мальчик вырвался из девического плена, но с тех пор он избегал этот район столицы. Гуня девочек боялся, как огня и при случайной встрече, старался испариться посреди улицы. А в это время, птица Ури продвигалась уже привычным маршрутом, через горы к Глупому морю, переноса через многочисленные пропасти, то птенца, то Карима. Ури постарел, всё чаще приходилось

останавливаться на отдых, на одном из привалов Ури пожаловался Кариму:

– Это, наверное, мой последний переход. Как только прибудем в стаю, я отпускаю тебя, человек.

За годы общения с птицей, Карим изучил их язык. Это было не трудно, универсальный язык был сложнее. Птенец был, чуть больше гуся, а агрессии в нём было немеряно. У Карима был большой опыт переходов, поэтому он был экипирован по-боевому: в каске, в ватнике, с полными карманами вонючек со вкусом божьих коровок. Птенец при малейшей возможности шёл в атаку, стараясь это делать незаметно: из густого кустарника, из-за камня, или, спрятавшись под опереньем отца. Только Карим был всегда начеку, успевая не только отбиться от малолетнего агрессора, но и кинуть пригоршню вонючек в его наглый клюв. Пару часов можно было спокойно отдохнуть, наблюдая за реакцией птенца, на появившуюся горечь во рту. Птица Ури никогда не вмешивался в разыгравшуюся битву поколений, он знал, что человек может постоять за себя, а ребёнку необходимо набираться опыта, чтобы понять – не всё в этом мире решается с позиции силы. На третий день пути, мы достигли плато, на котором находилась стая. Ури отвёл птенца к ровесникам, и пришёл попрощаться к Кариму.

– Ты свободен, человек! Сегодня меня не станет, я уйду в вечность, к своей первой самке. Найди землянина. Топтун поможет тебе. По окончании тренировок, птицы стаи выбе-

рут куратора в столицу страны зелёного тумана, на моё место. Он поможет тебе сделать переход через горы. Ты свободен, я отпустил тебя, но если хочешь, можешь принять участие в тренировках птенцов, тем более, для тебя это не впервые, опыт есть.

Карим вспомнил, какими синяками зарабатывался этот опыт? Но Ури был прав, лучше него никто не мог исполнить роль дикого червя, Карим согласился быть наглядным пособием. Ури ушёл, незаметно, перешагнув через ближайшую скалу. Больше Карим его не видел, в один день он приобрёл не нужную никому свободу, и потерял своего друга и защитника. Назавтра птицы Ури начали подготавливать полигон для тренировок птенцов на берегу моря. Место было выбрано идеально: горы предохраняли местность от западных холодных ветров, на море стоял сплошной долгоиграющий штиль, вся местность с утра и до обеда была окутана белым молочным туманом, в котором было хорошо прятаться имитаторам. Кроме Карима было ещё десятка два различных существ, с некоторыми из них землянин встречался на прошлых сборах. Они молча поприветствовали друг друга, всё-таки, воевать с птенцами им придётся в одном лагере. Ни о каком коллективном противостоянии речь не шла, птицы Ури болели за своё потомство, ставя сообразительность своих птенцов превыше всего. Два дня они старались объяснить молодому поколению правила игры, когда птенцы уяснили, то игра началась. Имитаторы червей разбежа-

лись по всему полигону, у птенцов слух был ещё лучше, чем у взрослых птиц, они определяли имитатора, даже по дыханию. Несколько сотен этих пернатых хищников, с широко раскрытыми клювами, вмиг находила притаившихся противников, и только благодаря своевременному вмешательству взрослых особей птиц Ури, эти существа оставались живы, их Ури выдёргивали из толпы нападающих. Этот вредный птенец искал только меня, он помнил, как я выгляжу, а ещё он помнил вкус тех жуков, которыми я кормил его целую дорогу. Вокруг него собралась целая стая хищников с птичьим оперением. Они были похожи на земных динозавров, про которых мне рассказывал мой отец. Он мне показывал кости, на размытом берегу реки. Но это был не первый мой переход, и я приготовился: я нашёл большую и глубокую яму, два дня я маскировал её сухой травой, водорослями и ветками, а посередине ямы я установил чучело, одев его в свои одежды, спрятав за корягой, даже не забыл каску нацепить на голову. Вместо того, чтобы топтать, чихать, дышать с присвистом, я раздавил несколько жуков вонючек. Главарь хищников мгновенно среагировал на знакомый запах, его глаза налились кровью, и стая, потеряв последние искры разума, ведомая предводителем, всей своей массой ринулась в атаку на последний бастион. Над рядами зрителей раздался клёкот разочарования, все птенцы свалились в яму, из которой у них не хватало ума выбраться, а по краю ямы ходил полуголый пигмей и щедро сыпал пригоршнями

вонючек в раскрытые рты птенцов. Ури признали поражение своего потомства, а это значило, что предстоит два месяца тренировок, под руководством выбранных инструкторов из птиц Ури. Я не завидую птенцам, Ури кого хочешь выдрессируют. Я знал, где мне найти воду и пищу в этих местах, и без сожаления покинул лагерь. У меня было два месяца ожидания, я выполнил свою задачу, дальше птенцами занимались их родители, а вместо имитаторов были живые дикие черви. Я шёл по кромке берега, ноги касались тёплой морской воды: берег, как берег, море – как море, и почему его называли Глупым? Я не мог понять.

***

Занятия у девочек закончились на сегодняшний день, у меня ещё было несколько свободных часов, я вытянул Гряжину из общежития, нам нужно было поговорить о будущем, учёба она не вечна. Гряжина не стала влиять:

– В топтуны я с тобой не пойду, не моё это. Мы с Мулин решили остаться в столице, у нас миллион планов на будущее, хватило бы времени их реализовать.

На универсальном языке девочка общалась сносно, без ошибок, правильно расставляя ударения. Кстати, изучения языка у них закончилось по учебной программе, я решил девочку прощупать по знанию географии, заодно это могло решить извечный вопрос, который сверлил мой мозг:

– Скажи, а почему моря этой страны носят такие названия: Синее, Зелёное, Янтарное и Глупое.

Особо меня интересовало последнее название, оно не вписывалось в менталитет жителей этой страны, старающихся никого не обижать, не оскорблять. Девочка рассмеялась.

– Ты иногда задаёшь такие вопросы, ответ на которые знает каждый ребёнок этой страны. Есть миф, давно превратившийся в сказку для детей, которую рассказывают им их бабушки.

***

Давным-давно, когда в этом мире жили безбородые гномы, у них было всё не так, как сейчас – ими правил царь. И было у царя три сына и дочь. Сыновья росли все в отца – сильные, хитрые и умные, они любыми путями старались приумножить собственное богатство, воруя друг у друга и обижая слабых. Мать не успевала растаскивать сыновей в их вечных потасовках. В едином были солидарны между собой эти хулиганы – свою сестру они считали простофилей и не достойной царского рода. Если мать давала гостинцы, каждому из своих детей, то братья старались обидеть малу и отобрать у неё всё, иногда у сестры оставался кусочек булочки, который она успела отломить. И, вместо того, чтобы его съесть, побыстрее затолкать в свой рот, пока не отняли братья, девочка шла к пруду и кормила рыбок, с руки, делясь тем, что осталось.

– Глупая! Кричали братья. Глупая! Подтверждали деревья. Глупая! Шептали кусты.

Отец перед смертью поделил своё царство: старшему сы-

ну достались земли, с морем, названными по цвету его глаз – Синим, среднему брату достались земли с Зелёным морем, меньший царствовал в краях, где всходит солнце, из Янтарного моря. А сестре досталось море, граничащее с горами и землями пустынь. Правильно было назвать его Добрым морем, по характеру девочки, но народ уже назвал его Глупым. Так просто. Меня затронула эта детская история – ну почему, почему в стране зелёного тумана смогли победить это зло, отказавшись от царей и любой системы управления, здесь нет войн, нет бездельников; любого, стремящегося к власти, выдвигающего свою лень, как философию жизни, здесь считают неадекватным, его изолируют от общества. В этой стране приветствуется преемственность опыта предыдущих поколений, есть обучающие центры, в которых ты можешь получить любую специальность по душе. Здесь никто никого не тянет за ухо к лучшей жизни. Каждый знает, что ему надлежит делать, и каждому нравится его работа. И всё здесь есть: и фабрики, и заводы, и химкомбинаты, и всё работает, без директоров, управляющих, на них даже бригадиров нет, все происходит не по принуждению, а в своё удовольствие. В этой стране нет денег, всё бесплатно: и еда, и одежда, и строительные материалы. Медицина – бесплатно, обучение – бесплатно. Многого я ещё не знал, но народ принял эти законы, и этот мир будет жить, и его не нужно восстанавливать после атомных войн. Я опять вспомнил Землю, и меня резанула по сердцу несправедливость:

– Ну, почему, почему? Неужели мы глупее народов зелёной страны?

У нас было столько сверхумных людей, знающих, как надо жить, умеющих руководить странами, народами. И где это светлое будущее? Нас, как стадо баранов, загнали на бойню.

Для меня был непривычен этот неуправляемый мир, не терпящий никакого насилия над личностью. Я не мог до конца понять, как он существует? Но существует! А Земли нет. Как-то я задал Китоглаву этот вопрос:

– Как существует мир стран зелёного тумана, без управления?

Учитель не понял сути вопроса, он только спросил:

– А что такое управление?

И не дослушав конца моё объяснение на свой наводящий вопрос:

– Если вас интересует устройство государства, есть специальный учебный центр, в нём можно за десять дней узнать всё о функционировании нашей страны. Только вам придётся проработать полгода, после обучения на топтуна, чтобы попасть в государственный учебный центр.

Китоглав убежал, у него всегда была уйма работы, и он всегда спешил, чтобы не опоздать.

Глава 8

Первой меня поздравила Гряжина, с окончанием учёбы. Здесь нет экзаменов, нет дипломов, экзаменом будет сама жизнь, а если что-то неважно усвоил, то дипломы не помо-

гут тебе. У девочек занятия заканчиваются немного позднее, мне по статусу положен был денщик (он же, помощник, напарник и страж моего тела). Гряжина ответила отрицательно на моё повторное предложение, согласившись с тем, что нам придётся расстаться, возможно на длительный срок. По возвращении в общежитие, комендант выдал мне направление в совет топтунов восточного направления, насколько я правильно понял лошадь, это где-то возле Глупого моря. Блин! По карте там ничего нет: ни городов, не посёлков – от самого моря начинается сплошная пустыня, до самых гор. Лошадь предупредила, чтобы я записался на воздушный шар в столичном аэростатном центре. Я ещё такого средства передвижения не видел – от самого центра, в воздухе были подвешены множество тросов, каждый в своём направлении. Я не знаю, как, и на чём троса держались, но к каждому была прикреплена корзина, с воздушным шаром, в каждую корзину помещалось не более четырёх существ. Девушка-диспетчер проверила моё имя в реестре топтунов, и записала меня на третий день недели, согласно карте прогнозов синоптиков. Объяснив мне, что усиление западных ветров ожидается именно в этот день, они и донесут вашу корзину к побережью Глупого моря. Меня никто не провожал, комендантша приняла ключ от комнаты, и я поспешил в аэростатный центр. В корзине меня ожидал всего один попугайчик, похожий на земного носорога в полосатом огромном комбинезоне. Он представился – Зезе. Зезе был энтомологом, у них в пустыне была

своя база. Зезе не смог выговорить моё имя – Майкл, топтун было проще и понятней. Я осматривал кабину, она так же была сплетена из камыша, по стенам находились прозрачные окна, сделанные из какой-то гибкой пластмассы. Кабина казалась герметичной, не продуваемой ветрами и с внутренним подогревом. Зезе доволен был, что нас всего двое, он расположился с максимальным комфортом в своём кресле, положив ноги на свободное противоположное.

– Вы, наверное, впервые летите?

Поинтересовался спутник.

– А что, заметно?

У меня нет привычки отвечать вопросом на вопрос, но не люблю, когда меня уличают в дилетантстве. Через несколько секунд я забыл про свои амбиции: под шаром была ещё одна кабина, абсолютно прозрачная, с какими-то флюгерами и зеркалами. Мне кажется в ней кто-то был. Я спросил носорога:

– Кто это?

– Ну вот, вы себя и выдали. Вы первый раз летите на шаре? Я не стал скрывать очевидное.

– А там – кабина управления полётом, в ней сидит парусник (пилот по-нашему), парусники управляют парусами на протяжении всего полёта. В нашем аэростатном центре все парусники из шестируких. Погоди, полетим, сам увидишь.

Странная технология, я на Земле никогда не летал на шарах, но знал, что они управлялись с помощью горелки и бал-

ласта, никаких тросов с парусами там не было. Прозвучал стартовый сигнал, и кабина, вместе с шаром начала подыматься в воздух и плавно скользить по тросу в восточном направлении. Попутчик посоветовал мне пристегнуться ремнями к креслу. И вовремя! Парусник выбросил паруса, и мы помчались с таким ускорением, что земля внизу, под нами, сливалась в одну цветовую гамму. Не было ни гор, не рек, ни городов. Наше путешествие длилось всего полтора часа, а я так хотел посмотреть на эту планету с высоты птичьего полёта! Но, как-нибудь, следующим разом. Парусник включил тормоз, обжимающий трос, корзина последний раз дёрнулась и остановилась, дверки кабины раскрылись и нам было предложено воспользоваться трапом. Блин! Этот парусник недоделанный, высадил нас посреди пустыни. Трап поднялся в воздух, сложившись как карточная колода, и вскоре ни шара, не корзины, ни парусника, только мы вдвоём среди песков. Зезе поковырялся в песке и надавил на камень. Среди пустыни выросло здание, похожее на ярангу.

– Это наш зал ожидания.

Зезе пригласил меня вовнутрь.

– Обычно транспорт ждёт, не задерживается, но видимо что-то случилось, этот раз придётся подождать нам.

Зезе прилёг на кушетку внутри зала ожидания и через пару минут я не знал куда деться от его храпа. На улице потемнело, раздался гром и молния, завыл усилившийся ветер. Началась буря. Пустынная буря – это самое страшное в этом

мире! Только в нашем зале ожидания было тепло и всё спокойно, если бы только попутчик не храпел. Буря закончилась так же внезапно, как началась, на третий день нашего пребывания в пустыне. Я пропустил этот момент, когда открыл глаза, было всё тихо, только хотелось очень есть. Сосед нарезал круги по залу, наше надувное здание засыпало песком, превратив его в огромный бархан, свет пробивался через крышу, и слышался шум на улице. Нас, наверное, откапывали, иногда, сквозь стены, просматривались ковши живых экскаваторов, похожие на огромные медвежьи лапы. Через полчаса видимость стала лучше, и спасатели разблокировали вход. В здание вошло пара существ, похожих на кенгуру.

– Карета подана! Жаждались, наверное, нас? Служба восточного аэростатного центра, рада приветствовать вас на земле нашего округа и спешит поздравить с благополучным прибытием.

– Ничего себе, благополучное, – подумал я.

Зезе пошёл к выходу, он шагал молча и уверенно, я следом за ним. Пустыня была гладкая, как стекло, кенгуру, за нами убирали здание в аварийный тайник, спустив его, как надувную лодку, здание было закреплено тросами к земле, что давало ему надёжную устойчивость, даже в момент бури. Для служащих аэростатного центра, это была привычная работа, через пятнадцать минут, они подошли к нам. Один из кенгуру вытащил пульт и нажал кнопку. Перед нами, из земли, вернее, из-под песка, на поверхность вылетел непонят-

ный механический монстр, похожий на огромного слепца.

– Подземоход к вашим услугам!

Я уже перестал удивляться увиденному, следовал за опытным соседом-энтомологом, который успел нырнуть в шлюз. Я раньше видел подводные лодки на картинках, это сооружение, чем-то похоже было на них, только подземное. Зезе уверенно вел нас в центр управления, сразу было видно, что он частый гость на этом судне. Оба кенгуру сели за пульт, мне осталось только наблюдать за ихними действиями в корабле и за центральным экраном перед пультами пилотов. По-другому назвать этих существ я не мог, уж очень внутренняя обстановка центра управления подземоходом, напоминала кабину воздушного лайнера, там тоже два лётчика управляет самолётом. Попутчик опять попросил меня пристегнуться к креслу. Один из кенгуру обернулся на пассажиров, что-то сказал напарнику, и мы полетели, только не вверх, а вниз, под землю. Блин! У меня душа провалилась в пятки, вместе с этим кораблём. Последний раз у меня было такое в далёком детстве на качелях. На центральном экране была сплошная темнота, с чередовавшимися светофорами разных цветов. Давление внутри корабля выровнялось, и попутчик начал, чуть слышно, комментировать наш подземный полёт.

Погружение прошло удачно, с минимальной перегрузкой, мы выходим на центральный туннель, здесь движение регулируется автоматикой, и если нам очень повезёт, то нам от-

кроется окно, и мы вольёмся в транспортную струю. Нам повезло.

Сосед вытер пот со лба, своими комментариями он успокаивал больше себя, видимо не всё было в порядке с этим подземным транспортом. Я узнал позже, аварии были, правда без летального исхода, но всё равно, приятного мало.

– Тебе, вообще, куда нужно? – спросил попутчик.

Я показал ему направление в центр топтунов. Зезе о чём-то совещался с пилотами, на своём местном языке, никто не знал, где этот центр находится.

– За всю жизнь ты первый топтун, которого я вижу, – признался попутчик.

Мы высадим тебя в центре подземного города, а там спросишь у любого рауша, он объяснит, как добраться тебе до места назначения. Я уже знал, что эти милые пауки, с муравьиными головами, по сути, были биороботами и выполняли функции полиции, армии, спасателей в этом мире. Они действовали автономно, но управлялись, наверное, извне. Но это была тайна. Одна из тайн этой страны. Но, в тот период я об этом не задумывался, меня больше интересовало, как добраться до совета топтунов восточного отделения, согласно назначения учебного центра. Торможение этого подземного судна, тоже не из приятных ощущений, хорошо хоть желудок пуст был. Зезе вышел со мной на вокзале, мне он напомнил минское метро. Мы, как привязанные, оба кинулись в местную пиццерию с автоматами горячих напитков и очере-

тогового лимонада. Я не знал, чего мне больше хотелось: есть или пить? Зезе рассказал, что здесь в пустыне, вся жизнь сосредоточена под землёй: города, заводы, фабрики, даже зоны отдыха, клубы, парки, курорты. Всё это связано между собой туннелями, и эта зона постоянно растёт и расширяется. Мы здесь, под землёй производим больше, чем потребляем и являемся одним, из самодостаточных экономических центров государства. Энтомолог гордился этой подземной страной, хотя честно признался, что он родом из одной из стран Синего моря. Здесь под землёй у него было всё: семья, дети, жена, любимая работа. Зезе подвёл меня к раушу и мы расстались. Он так и остался для меня случайным попутчиком, открывший мне тайну подземного мира. –

Не верь своим глазам – говорил мне дед, и я до конца жизни придерживался наставлений старого Зельда.

Рауш тормозил, мой вопрос показался странным для него, он крутил моё направление. Делал различные запросы в разные инстанции, наконец, указал на здание, где мне всё объяснят и выдадут пропуск в совет топтунов. Для меня это было странно, я впервые в стране зелёного тумана встретился с подобием бюрократии, но последовал совету рауша и подходил к назначенному им зданию. Двери гостеприимно открылись при моём приближении, на здании висела вывеска: Восточное отделение государственной безопасности. У, блин, влип! У меня мигом похолодело всё внутри, мозг отказался думать, и я шёл по инерции вслед за загорающейся зелё-

ной указательной стрелкой на стенах многочисленных коридоров. Стрелка замигала: вам сюда, дверь распахнулась сама собой, и огромная зелёная клешня втянула меня внутрь кабинета. Я был в лапах богомола, я помнил, что это очень хищные насекомые.

– Майкл? – назвал он меня. Землянин? Из топтунов, внук Зельда?

Я кивнул головой.

– Можешь называть меня Сурж. Пока на тебя выпишут пропуск, ты мне поможешь разобраться с одной проблемой.

Сурж забрал у меня направление в совет топтунов:

– Ты попал туда, куда надо, оно тебе больше не понадобится.

У меня опять внутри всё похолодело. Сурж нажал на кнопку, и четыре рауша привели в кабинет чумазого Карима, я его еле узнал.

– Вот, пограничники выловили около портала, на границе с землями Ури, тоже доказывает, что он человек, и живёт рядом со столицей страны зелёного тумана, только нигде, ни в каких документах он не проходит, себя называет страж яйца птицы Ури.

Я спрашиваю его:

– Где птица? Говорит – Умер.

Карим узнал меня, но бдительная охрана не дала ему приблизиться. Пока контора оформляет пропуск, я рассказал Суржу всю историю Карима, он действительно не представ-

лял никакой угрозы для государства. Я попросил отпустить мальчика, под мою ответственность. Сурж пошёл мне навстречу, я расписался за получение арестованного, так у меня появился денщик топтуна. Лучшего помощника, я и не хотел. Карим признался, что это желание было обоюдным, ему ещё птица Ури советовала найти меня. Сурж вручил мне пропуск, справку о проверке Карима, отметив его новую должность – помощник топтуна, рассказал, как добраться до совета топтунов, это было в другом городе. Сурж дал нам сопровождающего из раушей, до остановки междугороднего трамвая, предупредив, что в городе нашего прибытия, нас встретят. Трамвай был больше похож на электричку метро, та же темнота, с мельканием сверкающих остановок и толпами входящих и выходящих пассажиров. Мы с Каримом умастились в конце вагона, так, чтобы никому не мешать, наша остановка была конечной, ни я, ни мальчик, до сих пор не верили в благополучный исход после посещения здания ГБ. Для меня это было пару часов, а Карим провёл там несколько суток. Мальчик спал, по его грязной щеке катилась слеза, и никто не знал, что ему снилось, и отчего он плакал – от обиды или от счастья? Нас встретили два рауша на полупустом перроне, и без лишних объяснений затолкали в автомобиль без окон, это, наверное, была спецмашина, со световой и звуковой сигнализацией. Карим вопросительно посмотрел на меня, а что я мог ему ответить? Я сам ничего не понимал. Нас везли долго, время от времени включая сигнализацию,

с нами постоянно присутствовало два рауша, с небольшими жезлами странной формы. – Оружие, – догадался я. Наконец машина остановилась, рауш взял мой пропуск и справку на малого. Всё это, видимо осталось на проходной, вместе с раушами, а машина тронулась, и продолжила путь. Нас выгрузили возле какого-то комплекса. Здесь не было раушей, все ходили в специальных защитных костюмах и в белых халатах. Нас встретили медики, я подумал, что опять будут принудительно кормить, но обошлось – нас погнали на дезинфекцию и водные процедуры. Здесь всё было поставлено так серьёзно, нам сделали кучу прививок, поместили в сероводородный душ, а потом разрешили искупаться в тёплом озере, смыть запах тухлых яиц. Я понятия не имею, что они добивались этими процедурами, я от души наплавался в озере, и радовался тому, что избежал принудительного кормления. На весах я был в минусах, но видимо, на окраинах медики не были так щепетильны к весу пациентов. Нам полностью меняли одежду на защитные костюмы, в комплект нательного белья входило два полотенца и белый халат с эмблемой института конфедерации. Никогда не слышал о таком. Нет, по учебной программе я помнил, что топтунами управляют учёные напрямую, они дают задание и проверяют отчёты разведчиков. Ещё я помнил, что самыми первыми во вновь открывшийся портал, учёные отправляют раушей, с кинокамерами, с записывающимися и фиксирующими средствами. С помощью раушей определяют степень опасности для про-

никновения в портал, со стороны страны зелёного тумана. Иногда получалось наоборот, не успел открыться портал, как появлялись монстры и создавали высшую категорию опасности для окружающих. Тогда в бой вступала армия раушей, и зачастую эти порталы запечатывались наглухо. Никто не знал, почему происходит так, почему происходят пробои и возникают эти туннели в соседние миры. Портал мог принять различную форму, в нашем случае с землёй – это был очеретовый мост, по учебному центру я помнил тропинку, начинающуюся в одном мире, а оканчивающуюся в другом. Это мог быть родник, пещера, зеркало, дверь, что угодно. У учёных есть специальная группа, имеющая датчики для обнаружения новых порталов. Нас никто не тревожил, робот отвёл нас в выделенную нам комнату, и нам дали отдохнуть. Этот робот был постоянно закреплён за нами, и выполнял множество функций, о которых мы не догадывались. Я думаю, что кроме нашей охраны, ему было вменено следить за нами, заодно продолжать наше обучение по ночам, когда мы спим. В крайнем случае, универсальный язык у Карима стал чище, и пополнился целым ассортиментом новых слов. А я знал то, чего не знал раньше, даже не догадывался. Откуда я мог знать, что институт конфедерации образован последним поколением гномов, и что всё в этом мире происходит не просто так, при внешней видимости абсолютной анархии устройства государства, и полным отсутствием всех институтов власти, всем управляют учёные института конфе-

дерации. И вся информация, со всей страны стекается сюда, в пустыню, находящуюся рядом с Глупым морем, а отсюда идут указания во все точки страны, кому и что надлежит делать. Даже распределение продуктов, общественные работы, всем этим распоряжается институт. Мои иллюзии лопнули, как мыльный пузырь. И это при том, что у меня была всего третья категория допуска, и я ещё очень мало знал об этом мире. Через два дня нас посетили из союза топтунов, это была опытная сформировавшаяся пара: один из них был ревлей, точно ревлей, с физиономией, как у Пьеро, другой был похож на перекормленного хорька, его специфический запах не смог перебить даже защитный костюм. Я понял, что мы были их сменщиками, сейчас в разработке находится новый портал, нас пригласили в подготовительный центр. Портал открылся в горах, в старой заброшенной штольне, в которой раньше добывали камень. Ревлеи успели заснять, что творится на той стороне портала. Сначала параллельный мир показался всем агрессивным, камеры зафиксировали существ, похожих на драконов Комодо, ужасных, хищных и постоянно готовых к атаке. Всё оно в действительности было так, только эти монстры были трусливыми тритонами, по своей конструкции, чуть больше раушей. При появлении более массивного существа, тритоны пускались наутёк. Мы изучали видеосъемки, сделанные разведкой раушей. Климат был, уж очень изменчив: зной сменялся заморозком, солнечный день покрывался тучами, на одних де-

ревьях росли плоды, похожие на яблоки, с других опадали листья. Горы начинались сразу за выходом из портала. Там, на фоне густых лесов, были потоки горячей вулканической лавы. Воздух был пресыщен азотом, серой и вулканической пылью. Нас это не пугало, защитный костюм имел надёжные фильтры и систему автономного дыхания. Поражало то, что кроме тритонов и прочей мелочи, в камеры раушей ничего не попало. Мы это списали на агрессивность среды, и уже были готовы разрабатывать план вторжения, если бы не Карим. Малыш увидел большие тени, перебирающиеся по верхушкам деревьев. Не было сомнения, там кто-то был. Материал был отдан на доработку учёным, а мы, попрощавшись с коллегами, вернулись в свою комнату. Робот успел навести порядок и приготовить обед. Не знаю, как здесь кормят в пункте приёма пищи, но наш робот был замечательный повар. Я понял, что разведка топтунам отменяется, до окончания расширенного изучения зоны портала учёными. Робот спланировал, на завтра, посещение соседнего подземного города. Это был своего рода торговый центр подземной страны. Робот предупредил, что мы постоянно находимся под наблюдением и под защитой службы ГБ, никаких пропусков, справок и другой бумажной канители нам не требуется. Робот замолчал, потом добавил:

– Потому, что вам, каждому, индивидуально, вживлён чип.

Обрадовал, блин! Карим спросил меня:

– А что такое чип?

– Ярлык, пайца, не знаю, как тебе объяснить, ошейник раба, что ли?

Карим загрустил:

– Теперь мы всю жизнь проведём под землёй?

– Не знаю. Мальчик, честное слово, не знаю. Знаю одно, что обратного пути нет, нам некуда бежать, наш мир разрушен.

Я вспомнил Китоглава, его слова, что можно продолжить обучение, после того, как отработаешь полгода топтуном. Я обнадёжил малого:

– Живы будем – не помрём!

Глава 9

Карим был дока в покупках, он жалел, что в этом мире всё бесплатно, поторговаться нельзя. Мы прибыли вовремя в город, трамваи были переполнены народом, мы переоделись в наши столичные комбинезоны, поэтому на нас никто внимания не обращал, кроме тех – кому нужно. К роботам народ привык, они зачастую служили носильщиками, при покупках, отличались только номерами выпуска изделия. Этот день был особенный, каждый год все страны и соседи мира зелёного тумана старались привезти экземпляры своей продукции, именно в этот день. Он очень был похож на земную ярмарку, так же сопровождался различными шутихами и театральными действиями, в которых принимали участие зрители. Между торговыми рядами сновали клоуны, свои-

ми репризами и кривлянием, вызывающие смех у покупателей. Желаящие могли поучаствовать в различных конкурсах, в шутовой лотерее. Родители с детьми спешили в цирк на открытом манеже. Эта ярмарка продолжалась целую неделю, возле каждой группы товаров был свой представитель, они тоже участвовали в своеобразном конкурсе. Победители ярмарочных распродаж имели призовой бонус для распространения товара своей страны в мире зелёного тумана. Робот с Каримом паслись глазами у прилавков, я же тащил пустые очеретовые корзины рассматривая покупателей. За время своего нахождения в стране зелёного тумана, я уже привык к разнообразию её жителей. Но на ярмарке попадались такие экземпляры, которые, даже внешне выглядели непривычно и пугающе, заставляя, невольно, уступать им место. Робот первый увидел Катора, и утащил нас в сторону. Это был шестиногий ящер высотой в пятиэтажный дом, за которым тянулся безразмерно длинный хвост, он как каток асфальтного укладчика прошёлся по торговым рядам, благо, весь народ успел разбежаться. Катора остановил наряд равлеев, они забрались по уродливым бокам рептилии, и из уха ящера, находившегося, почему-то на лбу, вытащили существо, в два раза меньше ревлеев. Полиция на него надела наручники. Робот внёс ясность:

– Ухо на лбу ящера, это не совсем ухо, а центр управления для Вортов.

Сам по себе, ящер не опасен, несмотря на огромный рост

и вес, рептилия травоядна и не злобна. Ворты живут за Синим морем, они полная противоположность ящерам – мелкие, трусливые и злобные, создающие межгосударственные проблемы своими пакостями. И сюда, на ярмарку, Ворт прибыл с одной целью, чтобы устроить пакость. У себя дома они хвастаются друг перед другом своим геройством, у них ценится причинение вреда соседям. – Ну, а дальше что будет? Робот промолчал, он понял, что я спрашивал о судьбе арестованного Ворты.

–А дальше?

Его депортируют, или поменяют на кого-то из наших. Робот не сказал, что перед депортацией, арестованный пройдёт все круги ада – и ГБ, и секретную лабораторию института конфедерации. Фактически, нарушитель отдавался в руки соплеменников раздавленным овощем, не помышлявшим более о причинении вреда соседям. Особо злобно ориентированным особям учёные могли внедрить генетический подарок, и от его рода шарахались все земляки. Учёным нравилось работать с пакостниками. Я спросил:

– А почему вы не закроете границу с недружелюбными Вортами?

Робот удивился:

– Как закрыть границу? Можно запечатать портал, но границу закрыть нельзя. Кроме Вортов, там за морем, много других, дружественных нам народов, с которыми у нас постоянный обмен товарами. Ворты очень трусливы, а им хо-

чется быть значимыми, поэтому они и придумывают свою историю, своих мифически уродливых героев, обманывая себя и всех. Мы, итак, стараемся их выловить на границе и вернуть на родину, но они всё равно, настырно просачиваются, и делают всевозможные демонстрации.

Мы дождались, пока рауши выведут рептилию за пределы ярмарки. Карим нашёл рис. Ой, что было! Он долго объяснял роботу, что такое морковка, лук и плов. Робот быстро для всего нашёл замену. С мясом было сложнее, но на этой ярмарке было всё. Мы уже направлялись на остановку трамвая, когда Карим увидел жёлтые полосатые арбузы. Он выбрал самый большой арбуз, проверив его на созревание своими восточными методами. Всё! Ярмарка устала от нас, а мы от неё. Впереди шёл Карим со своим огромным арбузом, сзади него я с корзинами, робот нёс пакет с лепёшками и специями. До института мы добрались без проблем, проблемы начались потом, когда меня забраковали для приготовления пищи и отправили в комнату отдыха, а два великих мастера не смогли поделить стол на кухне. Я прибежал на шум. Робот с Каримом сцепились на полу, обмениваясь тумаками и репликами на разных языках, в это время на печке что-то подгорало, распространяя невероятный болотный запах. Пришёл ревлей, помог растащить скандалистов. Кухня представляла из себя ужасное зрелище. Рис оказался ракушками зелёного моря, от варки они становились только крепче. Замороженное мясо, в виде стейка, брошенное на сковородку,

уползло сразу же, после размораживания, и забилося в углу комнаты. Редкий гость в наших краях, оказался красным осьминогом, до него так и не дошло, куда он попал. Ревлей вызвал уборщика. Осьминог ещё больше покраснел, когда эта смесь бульдога с носорогом приблизилась к нему. Осьминог выплеснул на нас всю накопившуюся злость, обдав всех чёрным вонючим дымом. Не знаю, кому больше досталось, я выскочил первым из комнаты в коридор, навстречу мне бежали перепуганные соседи, сработали датчики химзащиты.

– Что случилось? – спрашивала толпа.

Из нашей комнаты валил чёрный дым, рауши вытащили, потерявшего сознание ревлея и Карима. Робот вышел сам, шатаясь, как слепой. Ко мне пристали институтские:

– Что там у вас произошло?

– Не знаю! Готовили плов.

Без панцирная улитка в защитном костюме брезгительно ковырялась в сковороде:

– Это что? Плов?

– Нет, это морковка с луком.

– А, а, а! Замычала улитка.

Ей было всё понятно с этими землянами.

– А это что?

В углу сиротливо лежал арбуз. Система вентиляции справилась с химической атакой поваров-кулинаров, улитка только слегка коснулась желтого полосатика, он хрустнул и раскололся пополам. В нём не было семечек, сплошная мя-

коть с запахом сгнившей на корню капусты, канализации и грязных носков. Не знаю, какой он на вкус, этот местный дуриан, но вся толпа ринулась на улицу. Второй химической атаки не выдержал никто. Дезинфекторам пришлось хорошо потрудиться в этот день. Нашего робота признали неадекватным и забрали на ремонт. Карима выпустили, он счастливо отделался и вышел с честью из этой передраги, с парой царапин и синяком. Меня наказали за пассивность, топтун не должен был допустить подобного развития событий. Меня отправили вместе с уборщиком на поверхность, чтобы выкинуть гадость, купленную нами на ярмарке. Подальше от института.

***

Ури вырос, инструкторы из него сделали настоящего воина. Скоро закончится их тренировка и каждый получит назначение. Ури не помнил то место, где родился, он только помнил горы, ноги отца и путь. А ещё он помнил этого горного клопа, который его кормил жуками вонючками. Как его ненавидел птенец. У Ури выбрался редкий свободный вечер, чтобы побродить в одиночестве по берегу моря. Вдруг он увидел двух существ, одно из них точно было землянином. У птицы Ури вновь глаза стали наливаться кровью. Ури ненавидел всех землян, и принял атакующую стойку, согнув шею, открыв широко клюв и расправив крылья. Ури приготовился к разбегу, этот раз ему никто помешать не мог, землянин не видел птицу Ури. Ури остановило только непонятные

действия другого существа, оно пыталось посадить в Глупое море красный цветок. Любопытство пересилило агрессивность птицы. Ури только хотел посмотреть, нагнулся поближе к кромке воды, как цветок взорвался, выбросив на птицу струю чёрного вонючего дыма. Ури от удивления раскрыл клюв, он совсем не ожидал подобной реакции от цветка, а уборщик, это был именно он, никогда не видел столь огромной птицы, он, от растерянности высыпал весь мусор ей в рот, вместе с дурианом и горелым луком с морковью. Это было похуже жуков-вонючек. Ури бежал в свою стаю, без оглядки, закаявшись когда-либо воевать с человеком. Ури, наверное, был единственным существом этого мира, попробовавшим настоящий узбекский плов, приготовленный по рецепту страны зелёного тумана. А Кариму разонравилось ходить в магазины, он даже вместо хлеба мог притащить такое, что было хуже живого корня: то ругается, то песни поёт:

– Я от бабушки ушёл, я от дедушки ушёл...

А, потом, в местных новостях читаешь, что из реквизита подземного государственного театра убежал Колобок, нашедшего просьба вернуть за вознаграждение. Знаю я эти их вознаграждения, они, любимыми способами стараются народ в театр загнать. Без работа было скучно, ревлей со скунсом в гости больше не заходили, соседи перестали здороваться с землянами, и мимо нашей комнаты пробегали, закрыв носы. Мне право было неловко, что получилось так. Одному Кариму было всё равно. Он грозился:

– Вернёмся на Землю, я тебя ещё накормлю настоящим узбекским пловом!

Я уже не знал, куда бежать от этого кухонного маньяка. Он был хуже бригады медиков принудительного кормления. Карим перечислял, что кроме плова, есть ещё бешбармак, шурпа, лагман, манта, самса ... Бедная птица Ури, ей повезло, что она ничего не слышала про эти кулинарные шедевры, которыми хотел накормить меня малолетний садист. У птиц Ури закончился выпуск, совет стаи готовил направления, рассматривая отдельно успехи каждого ученика. Вакантных мест было много, во всех странах мира зелёного тумана водились дикие черви, даже здесь на краю пустыни, сквозь толщу песка были слышны их передвижения. В пустыне черви редко выходят на поверхность и более уравновешены, чем в местах с повышенной влажностью, в руках комиссии остался всего один список с плохо успевающими, с нарушителями учебной дисциплины, и прочими птенцами, не вошедшими в стаю уже выпущенных и получивших направление, счастливицков. Каждая кандидатура рассматривалась индивидуально и все вопросы ставились на голосование. Комиссия отсеяла лентяев, оставив их на второй срок обучения. Спроси у любого птенца Ури, что такое каторга? И он ответит – полигон на берегу Глупого моря. К нарушителям дисциплины была применена своя особая методика воспитания, после которой они всю оставшуюся жизнь проводили без отклонений от устава. К каждому нарушителю цеп-

лялась электронная клипса на ухо, достаточно было одной. Пульт от её управления находился в руках инструктора, малейшее отклонение от условий учебной программы каралось жестоко. Птица получала такой акустический удар, что на продолжительное время оставалась глухой. Слух – это самое болезненное место птиц Ури. Наконец дошла очередь и до нашего знакомого. По успеваемости к нему претензий не было, и с дисциплиной у него всё гораздо лучше. Но его, всё же, отнесли к нарушителям. У комиссии, естественно возник вопрос к инструкторам:

– Чем вас не устраивает этот птенец?

Ответ перед комиссией держал самый старый и уважаемый инструктор из птиц Ури. Он сказал, что его подопечный имеет лидерские наклонности, но излишняя озлобленность и отсутствие гибкости мышления, приводят к неутешительным результатам его действий. Инструктор напомнил, как все птенцы Ури попали в ловушку, устроенную имитатором дикого червя. Члены комиссии внимательно слушали, аргументы инструктора были слабы и не убедительны, у каждого члена комиссии были свои ошибки в молодости. Тогда инструктор перестал убеждать:

– Вы спросите его, почему его сверстники называют «Болтыш», спросите у него, что он такое ест, что от него стоит за километры вонь изо рта? С ним никто из учащихся не хочет общаться. Не верите? Позовите «Болтыша» в комиссию, сами убедитесь, что я прав.

Блин! Птицы Ури отправили птенца на болота, признав, что неудачник должен питаться лягушками, а не дикими червями. «Болтыш» ушёл с полигона, а запах дуримана и горелого лука с морковью долго ещё витал в воздухе.

***

Через пару дней наше безделье закончилось и нас опять вызвали в подготовительный центр. Здесь кроме, уже знакомой пары топтунов, был представитель института. Я даже близко не мог угадать, из какого он народа, его защитный костюм скрывал всё: вместо рук были перчатки, вместо головы затемнённый скафандр, из которого, время от времени раздавался высокий женский голос. Мне показалось, что учёный не ходил, а летал. Перед нами опять засветился экран с порталом. На выходе, подняв лапки вверх, грелись на солнышке тритоны. Звезда была тусклая и давала немного тепла, но животные были довольны и тому. В редкой траве можно было заметить жуков и ящериц. Всё было так, как в первый раз, только съёмка велась более расширенно, панорамно, что ли? Мы, потихоньку, вместе с операторами, стали приближаться к лесу, начиналось нагорье. Вот тут начиналось самое интересное, чего мы не смогли увидеть в первый раз. Камеры вновь показали тени на верхушках деревьев. Тени передвигались быстро и слаженно, как стая обезьян. Камеры проследили их движение. Тени исчезли в горной пещере, расположенной на монолитной скале. Рауши нашли и туда путь, они смогли установить две камеры, вне досягае-

мости этих загадочных теней. Для нас был шок – это было первобытное племя, похожее на людей, которые были вполне материальны, но умели становиться невидимыми в момент охоты. Посреди пещеры горел костёр, на котором жарилось, что-то похожее на кабаргу с крыльями. Возле костра коптились рыбы или ящерицы, съёмка не давала чёткого изображения. Но это не важно. Главное, что пространство за порталом заселено, и теперь зависело от нас, как мы проведём разведку и сможем ли войти в контакт с аборигенами. Мы устали, ничто так не утомляет, как получение жизненно важной информации, требующей максимальной концентрации и зрения, и мозгов, даже слуха с интуицией. Камеры не могли передать запахи, но даже той малой доли информации хватило для того, чтобы уяснить окончательно, что это наш портал, и нам его топтать. Учёный перенёс изучение материала на следующий день, приборы показали нашу мозговую утомляемость. На этот раз, даже у Карима не было замечаний к съёмкам. Мы все успели обратить внимание на то, что жизнь за порталом кишела на верхушках деревьев, и животные были странные – с крыльями и шарами, заполненными непонятным газом, который легче атмосферы. Учёный следил за нашей реакцией, ему важно было, чтобы мы не переутомлялись, и хорошо усваивали материал. Вопросы пока никто не задавал, надо было изучить весь материал. Кино мы смотрели пять дней, учёные с раушами хорошо потрудились. Всё было одно и то же, только иногда проскакивали мест-

ные катаклизмы, ревлей назвал их провалами. Проваливались целые участки земли, вместе с лесами и жителями древесных крон. Учёный это объяснял близостью молодых гор, на которых не закончились вулканические процессы, сдвигом тектонических плит и многими слабоизученными явлениями, проходящими в почве этого мира. Учёный пытался успокоить нас, а в действительности, не знал, что происходит по ту сторону портала. Учёный нервничал, его нервозность передавалась нам, особо на это обстоятельство реагировал ревлей. По словам сменщика, учёные хотят нас подставить с этим порталом. Никто из них не хочет брать ответственность за работу с топтунами. Совет топтунов – это фикция, нет никакого совета, да и топтунов осталось в стране – раз, два и обчёлся! Хорёк молчал, он всегда поддерживал напарника.

– Учёные отправляют нас на смерть!

Я только в этом году похоронил больше десяти напарников. Учёный краснел, ему нечего было сказать, а у топтунов не было за что зацепиться, чтобы аргументированно отказаться от выполнения работы. Мы ещё пять суток изучали видеоматериал. Да, было опасно, опасность всегда присутствует в нашей работе, но это не повод для отказа. Необходимо соблюдать технику безопасности, широко применять страхующие вспомогательные элементы, и обязательно, помимо защитного костюма необходимо носить каску. Блин! Какая чушь? При встрече, монстр оторвёт твою голову, вместе с каской, и выплюнет твой защитный костюм, высосав

все внутренности. Первое погружение в портал, решено было произвести завтра. Мы потянули жребий, не повезло нашим напарникам. Ревлей с хорьком будут первопроходцами со стороны страны зелёного тумана. Хорёк шёл первым, за ним тянулся трос, ревлей страховал его, вооружённый бластером и восьми пиксельной камерой. Мы наблюдали за процессом вторжения из подготовительного центра.

Глава 10

Хорёк не успел сделать и десяти шагов, как провалился в образовавшуюся огромную воронку. Мы все ахнули, трос был перебит в нескольких местах. Карим сказал, что у воронки были зубы, теперь понятно, почему вся дичь обитает в горах и на деревьях. Мы уже успели попрощаться с другом, но через несколько секунд, воронка выплюнула его назад, и Хорёк, хромая, поспешил к порталу. Мы опять ахнули. Но это было не всё, из воронки вылезло существо, похожее, одновременно на грабака и на мешок с зубами. Оно стало биться в конвульсиях, и вскоре затихло совсем. Ревлей направил двух раушей, роботы констатировали смерть чудовища. Учёные закрыли вторжение в портал, нас приняли негостеприимно, нам была объявлена война. Учёные спрашивали Хорька, что он сделал такого, что червь выплюнул его? Наш коллега ничего не скрывал:

– Я обделался. А клапаны костюма выбросили эти экскременты наружу.

Ученые дали нам время отдохнуть, переварить создавшу-

юся ситуацию. Пока работали учёные, мы отдыхали. Отдохнуть нам не дали нормально, через пару дней на полигон и учёные заставили осваивать летательные аппараты. Летать пришлось учиться всем: и мне, и Кариму, и Ревлею, один Хорёк отлеживался в больнице, с ним учёные производили опыты. Летать – это всегда интересно, особо, если летаешь впервые. Летательный аппарат получился – беспосадочный, на него даже, впервые, забираться приходится с лестницы, получилось, что-то среднее, между самолётом и дирижаблем, но всех это устроило: и учёных, и нас. Летать мы научились за неделю, такие пируэты выкручивали! Потом учёные нам начали грузить гранаты «с хорьковой начинкой», до нас стало доходить, что возвращение в портал нам не избежать. На войну ученые решили ответить войной – при первой же бомбардировке, на поверхность выпрыгнула дюжина мешков, если учесть то, что гранаты имитируют шаги топтуна, то эффект был стопроцентный. К концу дня, на поверхности лежала гора трупов. Утром, бомбардировать ничего не надо было, все мешки с зубами вылезли на поверхность в полупоклоне, это было, одновременно: и комичное, и страшное зрелище. Это было похоже на капитуляцию. Всё, война закончилась! Пришло время работы учёных. Мы сделали своё дело и покинули портал, нас встречал Хорёк, как триумфаторов, хотя большая часть заслуги была его и учёных, а всё равно, приятно! Это была наша первая работа топтуна, теперь жди, когда следующий портал откроется. По возвраще-

нии на базу, нас ожидала приятная новость – прошёл ровно год, как мы покинули столицу, у нас выбралось время, и учёные наградили всех нас полуторогодовым отпуском. Карим прыгал от радости, выше головы. Ревлей решил нас сопровождать полпути, а Хорёк –сам по себе. Мы, впервые, с гордостью, нацепили блестящие нашивки топтунов, чтобы народ видел представителей самой опасной профессии очереговой страны. Только не хотелось жизнь вверять парусникам, спешить вроде некуда, лучше медленней, но надёжней! Ревлей тоже согласился с нами, и мы начали искать альтернативный транспорт. Транспорт был рядом, вернее, под боком – это был скоростной трамвай в столицу, добираться, правда почти полтора суток, но это было надёжнее, чем зависеть от скорости ветра и реакции пилотов, и ближе к земле, что ли? За полчаса, до прибытия, Ревлей покинул нас, и мы остались с Каримом одни. Перед столицей, народу прибавилось, дети, с любопытством, глазели на наши шевроны. Кариму нравилось, он, вообще –то, любил быть в центре внимания. Перед столицей трамвай срезал свой ход. На перронах светился плакат:

– «Осторожно! Вхождение в зону диких червей.»

Наконец, мы остановились, диктор объявил:

– «Конечная.»

На выходе нас ждала встреча с диким червём, он только начинал хулиганить во внутреннем городе. Птица Ури уже спешила с гор. И я, впервые, увидел танец Ури, червь от его

топтания, успокаивался, его па больше были похожи на балет, он делал растяжки, и червь покидал зону бедствия, птица Ури отгоняла червя на ферму. Мне не терпелось встретиться с Гуней, Гряжиной, как – то нехорошо с прощанием получилось, скомкано, у меня до сих пор чувство вины, что бросил малолетнюю девочку в незнакомой стране, в незнакомом городе. Город почти не поменялся, Карим плёлся за мной, как хвостик. Вдруг, на одном, из ярусов, он увидел Гуню, что тут началось?! Универсальный язык Карима, никогда не страдал совершенством, но здесь, мне пришлось услышать такие выражения, что не в одном словаре не разыщешь, мне кажется, в них была вся Средняя Азия и пол Кавказа. Гуня радовался не меньше, вскоре два друга обнялись на верхнем уровне столицы. От Гуни я узнал всё о девочках и их предпринимательстве.

– Погоди немного, сам увидишь, и он потащил нас на край города. Над свободной пропастью, на спорных землях страны и пузырей, был сплетён и построен новый комплекс, из стекла и камыша.

– Наш столичный ресторан!

Гуня, чуть не подавился, от гордости. А девочки заведуют рестораном. И что, есть выгода? Конечно! Ведь поварами здесь пузыри! У меня, ещё осталось воспоминания о пленении, я помню, как пузыри нас кормили. Гуня потащил нас в ресторан. Гряжинка, ещё с дверей заметила нас, и повисла на моих плечах, со слезами и с визгом, к любопытству немно-

гих посетителей ресторана. Соскучилась, ну конечно, соскучилась! Её подружки выглядывали из – за ширмы. Девочка отпросилась, и мы отправились в столицу. Рот у Гряжины не закрывался, они с Гуней, на пару, старались переговорить друг друга. Карим с Гуней немного отстали, старым друзьям есть о чём поговорить! Гряжина тархтела про свои дела, про подруг, про выпуск очеретового мороженного, это был эксклюзив в этом мире. Рассказала, что записалась на курсы по технологии приготовления пищи, рассказала, какие пузыри – умники, и совсем не агрессивные, а повара из пузырей – отменные! А ещё, что пузыри нашли контакт в мир Земли, им необходима радиация, для обмена веществ и нормального протекания беременности. Для меня это была новость! Ночевали девочки в общежитие для поварих, каждая комната на двоих, Гряжина, так и жила с шести рукой девочкой, и работали вместе, и план-бизнес составляли, и стройка – всё на их глазах. Поначалу, никто не верил в их проект, а сейчас, совсем другое дело: днём солидная публика, а по вечерам – молодёжь. Даже музыка есть. Гряжина и жила рестораном, хотя девочке, от силы девять лет. Здесь все созревает быстрее, даже дети. Вечером, девочка вынуждена покинуть нас – работа. Гуня потащил нас к себе, обещал через коменданта ночлег. Здесь была комната топтунов, но хотелось быть вместе, мы даже не искали гостиницу для топтунов. Гуня и вечером не уставал говорить, ему хотелось рассказать Кариму новости, скопившиеся за целый год. У птицы Ури новое

гнездовье, но к нему лучше не подходить, слишком серьёзный мужчина, друзей не любит, выполняет свою работу качественно, согласно договору. Карим с Гуней облазили весь окрест, а я, ещё несколько раз посетил ресторан, мне дали попробовать мороженого, сходил к очеретовому сгоревшему мосту. Сквозь толщу воды пробивались новые побеги. Такой ностальгией потянуло из родных мест, я, не задерживаясь, направился к городу. За пару троек дней нам с Каримом так здесь надоело, все были заняты, только мы – бездельники. Дома, в подземелье, и то лучше. Вскоре, мы попрощались с друзьями, я рад был за малую, она нашла себе применение в этом мире, и тем же трамваем отправились на свою работу. Бог с ним, с этим неиспользованным отпуском! Учёные не удивились, встретив нас, мы не первые и не последние отпускники, прибывшие раньше времени. У топтуна, оказывается масса дел, помимо новых открывшихся порталов, да и открываются они редко. Необходимо проводить исследования ранее открытых, с произвольной интенсивностью, по своему усмотрению, отмечая все изменения в портале. В последнем портале работали учёные, они исследовали перепады температур в местных озёрах. Одно из них замерзло на полгода, на весь зимний период этого мира. В этом ничего нет странного, но перед тем, как озеру замёрзнуть, в него кидалась различная дичь: от тритонов, до оленей, она тонула с открытыми глазами, в этом было что – то мистическое. Странность была в другом – этих животных озеро выбрасы-

вало, по теплу, и они оживали, исторгая воду. Учёные проводили эксперименты с другими особями животного мира. Но меня больше интересовал другой портал. Внешне он был похож на средневековой замок, внутри замка, даже свой алхимик имелся – из «сумасшедших» учёных, он помешан был на каббале, искал смысл в старых письменах, изучал рисунки, гравюры, у этого алхимика и имя было, его звали Ульрих. Я у него числился помощником. А тянуло меня сюда, потому, что раз в году здесь собиралось одно и то же общество, на соколиную охоту. Прежде, чем рассказывать об особенностях охоты, хотелось бы остановиться подробнее на защитном костюме топтуна. Этот костюм был выполнен, чтобы защитить вас от всех случаев жизни. Умный костюм и сделан умными людьми.

***

Вернёмся к охоте: в загоне участвует много людей – челядь, распугивая косуль, зайцев и прочую дичь: от фазанов, до крупных уток. Охотники выпускают соколов в небо. Осталось только собрать добычу. Грузённая снедью, челядь двигается в сторону замка. Основой этой охотной кавалькады был: барон Готлин, его сосед фон Штраусе, и сестра барона – Эльза. О сестре будет отдельный разговор – это не вышедшая замуж особа, лет больше сорока, предел мечтаний которой – замужество. Ей – лишь бы за кого, только бы замуж. Первую же попытку она решила применить на мне, разработав тщательно план: мне подмешали снотворного, все пунк-

ты плана она согласовывала с друзьями. Барон с фон Штраусе, прониклись всеми её идеями, а внутри, подсмеивались над Эльзой, ибо это был не первый её план, и все они проваливались, по различным причинам. Но, на этот раз, всё было точно: пока гость спит, Эльза, в виде обнажённой фурии, прилипла к его груди. Барон и фон Штраусе готовы были засвидетельствовать их отношения. В действительности получилось ещё хуже, чем в плане: родственники открыли дверь, а Эльзы в постели нет, Эльза забралась на дворе в один из фонтанов, и обвилась вокруг мифической гадюки с телодвижениями, не соответствующими приличию. Барон, в досаде, аж сплюнул: – Скажи, но зачем ты забралась в этот фонтан? Эльза только моргала глазами, что она могла сказать в своё оправдание. Я знал, что сработал защитный костюм топтуна, и не дал хозяина в обиду. Вечерами, пока на дворе готовятся колбаски из дичи, барон с другом коротают время за беседой, Ульрих делает расчёты, по старинным формулам, составляя гороскопы, основываясь на фазах луны. Я обратил внимание, что пропала Эльза, её давно не было видно в замке. Искать женщину никто не стал, а зря! Эльза появилась на следующий день – загадочная, голодная и довольная, как кот. Она объявила всем, что выходит замуж. Вопрос – за кого? Эльза сказала за древнего, только откуда он здесь взялся? Ульрих сказал, что если здесь хорошо покопать, то можно и не то ещё найти. Барон с другом, как всегда, отнеслись с юмором к этой новости, когда на третий день невеста появи-

лась с женихом. Он, действительно, был из древних, ещё не совсем стар, неопределённого возраста, с жабрами за ушами. Древним тоже трудно пару найти, а в Эльзе была кровь древних. Это был брак по любви, без всяких планов и расчётов. Чета и отправилась в своё зазеркалье. Назад барону и фон Штраусе пришлось возвращаться одним. Кариму, наоборот, нравились порталы с восточным колоритом, в странах которых растёт всё: от арбузов до бананов, он день и ночь готов был проводить на их базарах, за чашкой чая. Местные жители похожи на басмачей, а ему нравится. Он любовался заклинателями змей и пожирателями огня, потом рассказывал про этот цирк. Пока мы работали вдвоём, напарники наши отдыхали. Нас, четверо топтунов перекрывали всю зону открытых порталов. Через порталы велась торговля со всеми странами очеретового мира, и довольно – таки, успешная торговля: в одну сторону арбузы с дынями, в другую – метал с изделиями. Надо отдать должное – ни в одной из стран порталов не образовалась денежная система, типа земной, скорее, преобладал натуральный обмен товарами, и он был более честен и прогрессивен, чем денежный эквивалент. Самое главное – всех и всё устраивало. Хорёк не выдержал, приехал третьим из отпуска, устал отдыхать, учёные сразу взяли его в оборот, он забрал у нас третью часть открытых порталов. Самым стойким из отпускников оказался Ревлей, он, единственный из нас был женат и имел детей. Я, всё больше стал осматриваться: мы в подземелье граничили с учёными, с их

лабораторными комплексами, дальше зона была закрыта и охранялась по периметру тысячами датчиков, кроме того – целая армия раушей, круглосуточно сторожила её. Мы, поначалу, не задумывались:

– Почему так? И что хранится такого сверхсекретного за границей нашего подземного обитания?

Но всё приходит со временем, первым вопросы стал задавать Хорёк, из своей любознательности, что ли? Он рассчитал, что охраняемая зона находится под территорией Глупого моря, огромное пространство. Любые вопросы пресекались спецслужбами учёных, эта зона была табу. Люди в белых халатах охраняли эту тайну, не хуже раушей. Нас не пускали за предел лабораторий, Хорёк побывал у учёных, он рассказал нам не мало, в пределах понятного и доступного. Опять же, кроме туннелей с охраной он ничего не видел. Эта закрытость рождала слухи и нездоровый интерес, даже среди самих учёных. Я никогда не думал, что вскорости откроются все тайны подземелья, и нам придётся принять участие в этом процессе. Но, пока, мы ожидали появления Ревлея. Чему суждено случиться, ещё не случилось, а Ревлей не спешил на службу. Подсказка к моим дальнейшим действиям и развитию событий, пришла оттуда, откуда я не ожидал: меня позвала Эльза в зазеркалье, выдернула из сна на несколько часов. Приятно было увидеть женщину древних с округлившимся животом. Эльза стала показывать картинки, в которых было всё, меня касаемо: было землетрясение в Глупом

море, был провал, и был хаос в снабжении, да во всём. Дикие черви, как сума сошли. Но всего больше меня в этих картинках Эльзы поразило изображение моего деда: он, как живой, как я его последний раз видел возле очеретового вала. Картинки так же прекратились, как начались, ничего абсолютно не предложив, Эльза, молча, закрыла глаза и пропала, со своей страной, я очутился в своей кровати.

***

Учёные в портале с озёрами, приступили к экспериментам с людьми. Я даже не знал, что мой дед храниться в криогенной камере, в замороженном виде. Как его рауши вытянули из портала? Деда опустили в озеро, до полной разморозки, сегодня прошло, ровно полгода, и его достали. Процедура реабилитации из утопленников – неприятная, но дед ожил. Учёные утащили его в лабораторию: необходимо проверить память, мозговую деятельность, реакции на вкус, свет, раздражимость. Я ничего об этом не знал. Дед появился пятым в нашей бригаде топтунов, для меня это было, как снег на голову. С появлением Ревлея всё и началось, то о чём предупреждала Эльза. Вода хлынула сплошными потоками, через охраняемые туннели, смывая всё и всех на своём пути, всё это сопровождалось колебаниями почвы. Народ пытался убежать, но не у всех это получалось, в кромешной тьме, все пытались выйти из-под земли, но никто не знал, где выход. Мы топтуны добрались до портала, он ещё не успел захлопнуться – это был соколиный портал, с замками и Ульрихом,

мы решили переждать катаклизм здесь, среди рвов, лесов и развалин. Дед, он и среди нас был дедом, никто его ткачом не звал, он был не только самым старшим, среди топтунов, но и гораздо опытнее. Дед, единственный, знал, как отсюда выбираться, нам ещё не приходилось выныривать из закрывшихся порталов. Но пока было время, Ульрих угостил нас ветчиной и приятным сухим вином, Кариму, под заказ, приготовил чай. Дед, после завтрака, решил погулять, остальных Ульрих увлёк своими математическими расчётами судьбы. Я увязался за дедом, ему до всего было дело, он, после воскрешения, стал мало разговорчивее, он, вдоль рва, вышел к речке, в которую, изредка, ныряли зелёные ящеры. Они никого не трогали, и мы их старались не затрагивать. На ящеров привыкли здесь не обращать внимания. Дед показал мне на реку:

– Под портал!

Как будто это о чём мне говорит. Дед что-то буркнул попольски, и мы пошли дальше. За бугром начинался лес, дед остановился, и направился в замок, по пути, набрав валежника для камина. Из старых постояльцев никого не встретили, даже Эльза с мужем нас не беспокоили, ребята расположились у камина, всё-таки тепло камина лучше, чем холодная морская вода. Я стал спрашивать деда:

– А что там было, под Глупым морем, что так охранялось?

Дед протянул руки к огню:

– Говорят, там электронная машина древних, гномов что

ли?

Все топтуны притихли, видимо эта тема интересовала всех.

– А что эта машина делала?

– Ты знаешь, внук, она управляла всем, всей очеретовой страной: и торговлей, и снабжением, всеми перемещениями, даже общественными работами. Теперь придётся строить систему управления, учиться заново тому, что раньше выполняла машина. Нужно ожидать перебои в снабжении, проблемы с питанием – и не только. Всё рухнуло, всё затоплено, восстановлению не подлежит.

(Мы ещё не знаем фактических разрушений. Погибло несколько тысяч раушей, почти все учёные, полностью затоплены три подземных города, вместе с их народами, коммуникации с обслуживающим персоналом. В результате обвала, заживо похоронено, почти всё подземелье.) Но то, что нас ожидало на выходе из портала, было гораздо хуже. Мы были в шоке от стольких бессмысленных смертей.

Глава 11

Дед вывел нас из портала, известными только ему путями, и вовремя: порталы половину закрылись, многие уже были закрыты, некоторые деформированы. Землетрясение наделало беды – Глупое море стало похоже на земное Чёрное, такие же каменистые берега, одиночные скалы, торчащие из воды. На праздник смерти нельзя смотреть бесконечно, мы отдали последнюю дань погибшему народу у за-

топленных подземных городских туннелей и пешком, старой тропой птиц Ури направились на юг, к жилью. По пути нам попадались разрушения, землетрясение и здесь тряхануло, тропу пересекали горные оползни, всевозможные осыпи, мы обходили препятствия и шли вперёд. На пятый день пути стало попадаться разрушенное пустое жильё, через неделю мы вышли к первому городу. Землетрясение захватило только часть его, без особых разрушений. Народ так и не понял, что случилось: из магазинов пропал весь товар. Не знаю, что бы мы делали без Карима, у деда запаса продуктов уже не было, он достал немного круп и мы продолжили свой путь. Хорёк с Ревлеем откололись по пути, они уже узнавали знакомые места, а мы втроём двигались к столице. В город мы прибыли рано-рано утром, когда всё было в зелёном тумане. Туман рассеивался по частям, обнажая развалины нижнего города.

– Здесь, наверное, тоже похозяйничало землетрясение?

– Не-а, это дикие черви разгулялись.

Голос раздался, как из-под земли, из землянки.

– Ты кто?

– Встречающий, сказала существо с высоким голосом.

Вскоре он вылез весь сам:

– Вы это, не бойтесь, птицы Ури успокоили червей, сейчас они на ферме.

Что здесь было после землетрясения? Уму непостижимо. Наверное, все черви округи собрались в старом городе, они

успели разрушить всё. Птице Ури пришлось призвать помощь, они вчетвером три дня успокаивали червей. Из-за тумана стала появляться столица, она абсолютно не пострадала. Вместо канатов появилась верёвочная лестница, мы поднялись в город. Было ещё рано, город спал. Дед быстро сориентировался, повёл нас в гостиницу топтунов – на третьем уровне, хотелось смыть с себя дорожную грязь и выспаться, за всё время наших странствий. Проснулись с трудом – была ночь, сразу захотелось есть. Карим пробежался по магазинам, благо, что они были открыты круглосуточно: в магазинах, кроме живых корней и чёрствых булок не было ничего. Карим для меня захватил очеретовый лимонад, а для себя – чай из местной смеси трав. Дед был неприхотлив, он ел всё подряд, успевая ополовинить мой рацион и рацион Карима. До утра мы заморили червяка, уже терзания голода не те. Город никого не удивил, кроме деда. И не удивительно:

– Зельд начинал его строить, это его проект, его работа.

Дед бегал по всем уровням, проверял крепления на которых держался город. Столица висела над пропастью на стальных тросах, её каждый день осматривала и ремонтировала специальная бригада ткачей. Дед остался удовлетворённым, мы потащили его в ресторан. Дед выругался по-польски – в ресторане он лет пятьдесят не был. Он увидел это чудо, как будто, висящее в воздухе.

– Мама мия!

Дед не ожидал увидеть то, что стояло перед его глазами,

вернее – висело в воздухе. Мы зашли вовнутрь и наткнулись на потупленные взоры официанток. Ресторан был, а в ресторане пусто. Гряжина не сразу заметила нас.

– Случайно зашедший люд здесь долго не задерживается, поинтересовавшись меню, сразу уходят.

Я познакомил девочку с дедом, он даже несколько слов на литовском языке успел ей сказать. Девочка окрепла, и выглядела на свои девять лет, она извинилась:

– Работы много, местные снабженцы обещают крупную партию продуктов.

Мы покинули здание, Гряжина нас угостила очеретовым мороженым, на дорогу. Дед не показал вида, но ему понравилось всё: и девочка, и ресторан, и мороженное. Карим вытащил Гуню из дома, друг был в глубокой депрессии:

– У всех всё выходит, всё получается, только я неудачник. Я испробовал сотни работ, но все они мне не нравятся. Получается я самый не нужный и глупый экземпляр, даже девятилетняя девочка нашла себе применение, а я неудачник.

Карим пытался растормошить друга:

– Ну, что-то у тебя получается лучше других?

Гуня подумал:

– Да! Есть пирожки. Которых тоже нет.

Гуня расстроился ещё больше:

– Лишний я в этом мире. Я даже не знаю, чего хочу.

Дед вмешался в разговор:

– Вот у нас всё рухнуло – нет работы, порталы закрыты,

завтра выгонят из гостиницы – нет топтунов, нет и жилья в столице. Пока ещё инерция в управлении, после катаклизма, народ не успел понять, что случилось на самом деле, но и сейчас видны следы самоорганизации. Я, лично, видел, как завозится товар на склады, как фабрики по выпуску трикотажа и бумажных изделий перешли на ручной режим. Начался процесс торговли, а значит – жизнь продолжается, скоро и еда в магазинах появится. Поверьте, мне, не пройдёт и двух недель, как мы будем обедать в ресторане. А тебе, Гуня, я бы не советовал отчаиваться. Поднять, лапки кверху легче всего: я ничего не умею, ничего не могу, я неудачник и ошибка природы! А может из тебя отличный дегустатор получится? Или ещё кто-нибудь? Просто время не пришло, или ты не созрел, мальчик.

В стране зелёного тумана хорошо, здесь можно проявить себя на общественных работах, никто никуда тебя в шею не гонит. Да и лет тебе сколько? Не более четырнадцати, наверное. Рано тебе ещё хандрить, юноша. На Гряжину не кивай, она сразу хотела быть поварихой, даже училась несколько раз, да и сейчас учится у пузырей. У вас всё ещё впереди, молодой человек. Ай да дед, всё поставил на свои места! У Гуни даже цвет лица изменился, дед вселил в него надежду и смысл к дальнейшему существованию. Мы, молодёжь, разбежались по городу, каждый по своим делам, а дед отправился к фуникулёру, ему надо было переговорить с пузырями. Язык – враг мой! Откуда дед узнал про то, что пузыри давно

протоптали дорогу на Землю, в обход порталов и различных правил? Дед выяснил больше, чем я знал: пузыри питались радиацией, она им нужна для деления. И войну они с жителями страны зелёного тумана начали из-за радоновых источников, находящихся в пещерах пропасти, над которой построена столица. Пузыри успели дезактивировать много поверхности, работы там много, а им и в радость – популяция пузырей увеличилась вдвое. Пузыри рассказали деду о фактическом виде Земли, о появлении новых видов растений, о стойких мутациях среди животного мира. Да, Земля не та, что была раньше – до войны, да и вряд ли всё можно будет вернуть назад, Земля больше не потерпит господство человека. В океанах начала зарождаться новая нация, она уже была раньше, но метеоры и землетрясения загнали её снова в воду. Это были амфибии – двоякодышащие. Учёные на Земле, раньше находили останки амфибий, но не могли определить класс этого существа, им легче было умолчать. Дед ещё не принял решения, но я прочувствовал ход его мыслей. Дед сходил на сгоревший мост – портал между двумя мирами, посмотрел на ростки нового очерета, и отослал письма во все страны мира зелёного тумана. Дед собирал землян, для строительства нового моста. Дед вспомнил, что он Зельд, и раз построил город, то и мост ему по силам. Нас он поставил в известность в последнюю очередь.

***

Мир зелёного тумана возрождался сам, без машины гно-

мов под Глупым морем; дед был прав – система не любила ту-неядцев, нас вычислили раньше и фирму топтунов прикрыли, нас предупредили о принудительном выселении. Мы, из уважаемых людей, стали вне закона. Тогда дед принял решение – возродить свой мир. Смогли разрушить, необходимо восстановить, хотя бы связь между мирами. Землян собралось чуть больше десятка, все из разных мест, многие забыли свой язык, имели в новом мире детей, внуков. Из них готовность к восстановлению портала, выразила половина. Это было начало. Гряжина была мала, и конечно отказалась, её город принял, у неё был свой бизнес в этой стране, ну а мы с Каримом – мы одна команда, вместе с дедом.